

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

50

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. Пирожкова. Размышления о тысячелетии крещения Руси	1
Помогите нам, братья!	4
Э. Оганесян. К событиям в Нагорном Карабахе	8
А. Шифрин. Предательство нашего века	16
В. Пирожкова. Потерянное поколение	18
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати	22
Протоиерей Д. Константинов. Толгский монастырь	32
Е. Кармазин. Оппозиционные заметки	35
В. Рудинский. По страницам печати	42
В. Пирожкова. Гуардини о Достоевском	44
А. Шифрин. Открытое письмо	48

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№50

Сентябрь 1988

Мюнхен

В. ПИРОЖКОВА

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЫСЯЧЕЛЕТИИ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Не только за границей, но и на нашей все еще несвободной родине празднуется тысячелетие крещения Руси. Совершаются торжественные богослужения, приезжают гости не только других национальностей, но и других христианских вероисповеданий.

Многие ли задумываются над тем, какой великий акт самоопределения должны были тогда совершить наши предки? Ведь и тогда существовали уже национальные традиции и национальная вера, своя, славянская. Через все эти традиции надо было переступить, чтобы признать в "чужом" Боге единого истинного Бога. Нелегко это было. И совершили это признание истинного Бога, признание Богочеловека, сошедшего на землю совсем не в родной стране, а в далекой и чужой Палестине, не все сразу, а шаг за шагом и постепенно. Однако те, которые приняли Бога Отца и Иисуса Христа сначала лишь для себя, как княгиня Ольга и некоторые дружинники, потом для себя и для народа как князь Владимир, с намерением привести народ к истинной вере, те приняли Его сознательно и глубоко. Владимир Соловьев ссылается на "великолепный образ Святого Владимира, усердного и фанатичного поклонника идолов, который, почувствовав неудовлетворительность язычества и испытывав внутреннюю потребность в истинной Религии, долго размышлял и совещался, прежде чем принять эту последнюю, но, став христианином, пожелал быть им на самом деле и не только отдался делам милосердия, ухаживая за больными и бедными, но проявил большее проникновение евангельским духом, чем крестившие его греческие епископы; — ибо этим епископам удалось только путем утонченных аргументов убедить этого, некогда столь кровожадного, князя в необходимости применять смертную казнь к разбойникам и убийцам: "Боюсь греха", говорил он своим духовным отцам".

Св. Владимир порвал сознательно, добровольно и глубоко с тогдашней национальной языческой традицией, признав истинного и единого Бога. Мы, имеющие истинного Бога по традиции, не слишком ли часто удовлетворяемся этой традицией? Не заслоняет ли она от нас порою того Бога, Которым мы

уже как бы обладаем по наследству, принятому от отцов, без собственного усилия? Но без личного усилия Царствие Божие не берется. Не только наши предки единожды совершили великий подвиг преодоления традиционной, но ложной религии, но и каждый из нас ежедневно должен совершать подвиг преодоления своей самости, своих собственных и наслоенных историей заблуждений и искажений, чтобы вступать в персональное единение с Иисусом Христом, следовать Ему.

Тысячелетняя традиция несет в себе глубочайшие ценности, но и опасности, если она будет пониматься поверхностно или восприниматься под ложным углом зрения. Вот не так давно написал мне один известный эмигрантский автор, человек интеллигентный, буквально следующее: "Христианства я не знаю, я знаю только свою религию, православие". Увы, именно православия автор этих строк и не знает, т.к. православие — это христианство. Конечно, такие откровенные заявления — исключение. Но не затемняет ли национальная традиция Господа и Иисуса Христа для большего числа людей, чем мы думаем? Вспомним потрясающий ночной разговор Ставрогина с Шатовым, где исступленный провозгласитель "православного народа" Шатов признается, что в Бога он не верит. Не слишком ли многие паразитируют на славных православных традициях земли родной или ее, оставшегося крепким, изгнания, не проверяя лично себя ежедневно и ежечасно, насколько живет Иисус Христос в его собственном сердце? Не является ли славная дата тысячелетия толчком для каждого лично призадуматься не столько над историей, как над самим собой и собственным восприятием Господа и Иисуса Христа в своей повседневной жизни? Вспомнить святого князя Владимира и по его примеру бороться против всех тайно просачивающихся в каждую душу ручейков современного язычества, гораздо более коварного и опасного, чем открытое язычество наших далеких предков? Мы думаем, что такой вывод из факта тысячелетнего юбилея был бы самым правильным.

Когда совершилось великое дело крещения

Руси, Церковь была еще едина. И наши предки прекрасно понимали это единство. Хотя богослужение в Византии представилось им особенно торжественным и прекрасным (посланцы князя Владимира повествовали ему, что не знали, где находятся, на земле или на небе), все же наши, ставшие христианами, предки понимали, что не в обряде дело. Они понимали, что несколько другой, более сухой и холодноватый обряд — это то же самое христианское богослужение, та же божественная литургия. Даже когда между Византией и Римом произошел злосчастный раскол в 1054 г., русская православная Церковь еще долгое время относилась к западной Церкви лучше, чем к ней относилась Византия. Они дольше ощущали себя единой Церковью. Так, Русь праздновала в 1089 г. перенесение мощей св. Николая в Бари. Но когда над Русью стряслась великая беда: нашествие татар, западные христиане не только не помогли, но в лице немецкого рыцарского ордена напали на Русь с Запада. Глубокое разочарование было понятно. Раскол между христианским Востоком и христианским Западом вошел в сознание прочно и надолго.

Но все то было много веков тому назад. Разве не стоит все христианство теперь перед смертельной опасностью антиистинского воинствующего коммунизма и других языческих идеологий 20-го века? Не пора ли пойти навстречу друг другу, насколько это возможно, подумать о путях и вехах такого движения навстречу друг другу? А вдруг окажется, что возможностей гораздо больше, чем многие думают? Молитву о соединении Церквей мы часто повторяем, не задумываясь о ее содержании. Привычка к разделению велика, но не настало ли время стряхнуть эту привычку и задуматься над трагическим для христиан фактом разделения? Тысяча лет со времени великого события, крещения Руси, и почти тысяча лет разделения Церквей. А ведь Христос молился "Да будет все едино". Разделение христиан не является чем-то само собой разумеющимся, чем-то нормальным. Это ненормальное положение, и каждый из нас может что-то привнести для его преодоления, не с разгону и сгоряча, а путем размышлений и беседы с другими, храня в сердце христианскую любовь и к христианам других вероисповеданий, помня, что поскольку они стремятся быть истинными христианами, и они любят Христа, и в этой любви к нашему Спасителю мы все где-то в глубинах с Ним объединены, а разногласия наши должны решать и разрешать в благожелательности и любви. Великий юбилей может дать толчок в этом направлении.

В № 152 "Вестника РХД" напечатана примечательная статья Виктора Аксютца

"70 лет вавилонского пленения", пришедшая из Москвы. Там мы читаем следующее: "В чем сущность коммунистического атеизма? Это, прежде всего и по существу, радикальнейшая в мировой истории богоборческая сила. Коммунизм, как идеология разрушения Божьего творения, есть стремление к небытию и концентрация в человеческой культуре небытийных сил. Это внедрение "духов злобы поднебесной" (Еф. 6, 12) в реальность через социальный план жизни, порабощение и разложение человека через социум" (стр. 67). Перед нами чрезвычайно глубокое и точное определение коммунизма. Не забудем, что эти антибытийные силы владеют нашей родной и по сей день, и великий юбилей тысячелетия крещения Руси совершается под их властью. Эти силы кое в чем поступились, кое что разрешили, но сущности своей не изменили.

Автор упомянутой статьи настоятельно указывает на то, что эти силы в своей тактике могут быть очень гибкими и паразитируют на бытии. "Уже в 1918 г. власть планировала полное уничтожение Церкви. Но всенародное сопротивление коммунизму, вылившееся в Гражданскую войну, сорвало эти планы. Натолкнувшись на каком-то этапе на непреодолимое сопротивление духовных сил народа, коммунизм вынужден был отказаться от первой попытки полного захвата. И здесь впервые проявилась общая закономерность идеологической экспансии: тотальное наступление идеологии небытия сменяется периодами "нэпов" и "оттепелей", т. к. очередное наступление захлебывается, натолкнувшись на глубинное духовное сопротивление, которое проявляется в различнейших формах и во всех слоях народа. Перед угрозой потери власти и необходимости "самопожертвования" — силы безбожия вынуждены отступить для перегруппировки, выбора нового направления удара, разработки новых методов войны" (стр. 71-72).

Автор намекает на то, что и теперешний период является не чем иным, как перестройкой сил. Нам кажется, что сейчас основной удар направлен против еще свободной Европы, так как силам небытия нужны новые плацдармы, не столько дикий Афганистан, как цивилизованная и этой самой материальной цивилизацией подорванная в своем духовном противостоянии Европа. Да, ее духовные силы подорваны, но они еще имеются не в таком уж малом количестве, как это кажется многим эмигрантам. Экспансия сегодняшних сил небытия — это не экспансия оружия, а "экспансия улыбок". Если с ее помощью удастся усыпить те духовные силы Запада, которые оказали бы сопротивление в случае открытой атаки, то открытая атака может произойти. Создается впечатление, что идет

соревнование во времени: будут скорее расти силы сопротивления в России или падать таковые в свободной Европе. Но историческое развитие редко движется по прямой достаточно долгое время. Часто где-то происходит перелом и направление развития меняется. Дал бы Бог, чтоб в России долго не изменилось направление духовного сопротивления коммунизму, а в свободной Европе перелом совершился бы в положительную сторону.

Автор упомянутой статьи пишет, что Церковь не сразу поняла антибытийную сущность коммунизма. "В этих сложнейших условиях, вместе с духовной стойкостью, вновь появилось слабое понимание христианами сущности коммунизма. Церковь относится к советской власти, как к плохой, но по природе своей — мирской власти. Недоставало духовной пронизательности и отчаянного мужества осознать, что это — первое в истории воплощение власти одержимых злой силой" (стр. 73).

В годы сильнейших гонений и мученичества христиане в России больше осознали сущность этой власти. Но теперь, пишет автор, это сознание опять притупилось. Церковь, ради сохранения хотя части храмов и возможности Богослужений в них, заплатила признанием богоборческой власти как законной власти, даже сервильностью перед ней. Автор статьи с мучением ставит себе тот же вопрос, который ставят себе все, кто не потерял живой души: может ли даже сохранение части храмов оправдать союз Московской патриархии с антибытийной властью и, наоборот, можно ли судить эту патриархию за то, что она, хотя бы и такой страшной ценой, все же сохранила храмы и Богослужения? "Возникает вопрос: могла ли Московская Патриархия смириться с такими неизмеримыми потерями ради сохранения того, что сохранено? Не есть ли долг христианской Церкви вести бескомпромиссную борьбу с безбожной идеологией? Известно, что определенная часть христиан дает на это радикально утвердительный ответ: христианин должен предпочесть смерть или изгнание всякому религиозному компромиссу, а Господь защитит, спасет и вновь восстановит разрушенную Церковь. Но встает вопрос: можно ли вообще что-либо совершить в этом грешном мире с позиции, в которой **все** полномочия человеческого решения и ответственности возвращены Богу? Но, с другой стороны, христианская совесть не может примириться с чудовищным компромиссом Церкви с безбожием. Полным фарисейством было бы признать все свершившееся — оправданным. И где же найти выход из этой мучительной антиномии?"

Но человеческое ли это право — высшего суда и осуждения? Дано ли нам решать,

какую цену **могла и должна была** платить Церковь в страшной битве? Если мы оставим Богу — Богово, сами же сосредоточимся на **своем** — человеческом и оценим все с позиций смирения и сострадания, то становится понятным, что Московская Патриархия, несмотря на неисчислимые грехи и потери, жива пламенной верой церковного народа. И за грешным обликом епископа, священника, мирянина открывается тайна креста каждого: личного вклада, борения и подвига" (стр. 86—87).

Мы думаем, что каждый для себя и за себя должен решить этот вопрос. И мученики нашего времени, например о. Владимир Русак, икупают те страшные компромиссы, на которые идут другие. Никого не осуждая и сострадая тем, кто считает, что он должен идти на такие компромиссы ради сохранения того, что можно сохранить. Мы скажем прямо, что для себя выбираем прямой путь бескомпромиссной борьбы с антибытийным злом коммунизма, включая в это и согласие на изгнание правды ради или, если ничего другого не остается, на смерть. Мы не навязываем никому нашего решения, но думаем, что эта тема должна стать предметом особенно углубленных размышлений в этот тысячелетний юбилей.

Не может быть и в великий юбилей только восторга и упоения этой датой, если, говоря словами того же нашего автора, "борьба впрямую становится бранью "не против крови и плоти, но против духов злобы поднебесных". Защита от коммунистической идеологии в современности является борьбой не против людей, а за их души, за наше духовное состояние и за облик души наших "врагов", которые по заповеди "возлюби врага своего" оказываются не противниками нашими, а заблудшими братьями во Христе" (стр. 85). Любить наших личных врагов, да, это заповедано христианам, хотя почти всем людям как раз это дается с таким трудом. Но любить врагов Бога, тех, кто допустил себя стать орудиями "злых духов поднебесных"? Впрочем, верно, ненависти к **людям** мы не должны питать и всегда желать и о том молиться, чтобы как можно большее число из них раскаялось и обратилось. Но это не значит, что надо прекращать борьбу против них всеми доступными земными средствами. Как говорил генерал в классическом и поныне весьма актуальном произведении Владимира Соловьева "Три разговора": "Все люди братья, но если мой брат Каин намеревается убить моего брата Авеля, то я дам ему такую затрепину, что ему не поздоровится". С предельной ясностью В. Соловьев показал, что в центре внимания и заботы всегда должна стоять жертва. Если есть возможность

ее спасти, пощадив жизнь бандита, тем лучше, но если нет другого пути спасти жертву, как убийство бандита, то перед этим не надо останавливаться. Подчеркнем, что здесь не идет речь о смертной казни для уже пойманного и обезвреженного преступника, дело идет о предотвращении преступления и спасении жертвы. И если для сохранения земной жизни жертвы допустимо прибегнуть к насилию над разбойником, над пытающимся убить тело, то не более ли это приемлемо для спасения от тех, которые убивают душу? За души ведь идет борьба и прежде всего за души жертв. Если есть возможность спасти их, применив насилие по отношению к палачам, то это следует сделать.

Подходят такие размышления к юбилею тысячелетия крещения Руси? Мы думаем, что да, т. к. мы должны видеть действительность, в которой празднуется этот юбилей, такой, как она есть.

А действительность эта грозная. Цитируемый нами автор пишет: "Таким образом, в России сошлись две мировые силы: антиисторического атеизма и христианства. От итогов их борьбы зависит ход дальнейшей истории и сама ее возможность в будущем, действи-

тельно, или 21-й век будет религиозным, или его не будет вовсе. То есть, либо коммунизм доведет мир до гибели, либо христианство сумеет собрать на краю пропасти духовные силы человечества" (стр. 91).

О нет, не только в России сошлись эти две силы. Они сошлись во всем мире, особенно во всем христианском мире, независимо от того, понимают это сами христиане или нет. Россия дольше других страдает от **власти** этих темных сил, но они захватили и другие христианские страны и владеют ими тоже уже десятилетиями.

Автор цитированной нами статьи пишет о решении судеб не только России, но и всего мира и пишет о противостоянии коммунизму (более или менее сознательном) не только русского православия, но всего христианства. Это возвращает нас к уже затронутой нами теме: не пора ли всем христианам меньше думать о взаимных различиях, а больше о том общем, что есть у них всех и что является абсолютным центром христианства, об Иисусе Христе, и во имя Его соединить свои силы в противостоянии темным силам коммунизма. Нам, русским, первой жертве этих темных сил, в год нашего юбилея эти мысли должны быть особенно близки.

ПОМОГИТЕ НАМ, БРАТЬЯ!

Обращение к христианам всех Церквей православных христиан из России

Братья! Вы, конечно, знаете, сколь тяжелые испытания перенесла Русская Церковь в XX веке. В годы массовых преследований она была достойно прославлена множеством мучеников, которые ценою жизни засвидетельствовали свою верность Христу. Теперь страшные годы повальных репрессий позади. Позади и то время, когда говорить правду вслух было почти невозможно. Большие перемены происходят в общественной жизни нашей страны, и мы благодарим Бога за это. Вышли из тюрем и лагерей многие узники совести. Незаконность прошлых преследований верующих и вмешательства государства во внутренние дела Церкви уже не раз была признана публично официальными представителями власти.

Однако от этого Церковь в Советском Союзе еще не стала свободной. **Демократизация**, о которой говорят сегодня в нашей стране, это еще не **демократия**. Поэтому продолжает действовать законодательство о религии, принятое в СССР в 1929 году в период открытого гонения на христиан. Согласно этому закону, Церкви запрещено все, кроме "отправления культа", и поэтому, оставаясь в его рамках, Церковь Христова не может осуществлять свое свидетельство и свою миссию в духе полной верности Еван-

гелию. Теперь действующее законодательство нередко публично критикуют. Известно также, что готовится новый закон, но его разрабатывают втайне от Церкви и общества — без открытого, публичного обсуждения. Разве государственные чиновники-атеисты лучше знают, как нам надо организовывать нашу церковную жизнь?

И все же мы не склонны недооценивать значение происходящих в Советской России перемен. В нашей стране действительно новая политическая атмосфера. Гласность — это спор и борьба между старым и новым в обществе, между приверженцами сталинского тоталитаризма и сторонниками демократического, правового общественного устройства. В эпоху гласности многое можно изменить в положении Церкви в нашей стране и добиться того, чтобы христиане в Советском Союзе жили более полной церковной жизнью. В этом деле у Церкви могло бы оказаться много союзников. Ведь мы знаем, что и среди безрелигиозных наших сограждан, особенно среди интеллигенции — журналистов, писателей, ученых, юристов, среди широких масс народа и даже некоторых советских партийных и государственных деятелей сейчас преобладает уважительное и благожелательное отношение к Церкви и христианам. Некоторые

из них уже высказывались публично в защиту большей свободы для верующих.

Однако наша Церковь, увы, скована не только извне, но и изнутри. И наша беда и наша боль в том, что в большей степени она скована ныне изнутри. Наши религиозные лидеры — епископы нашей Церкви — **не защищают** права верующих, **не требуют** большей религиозной свободы для своей паствы, **не стремятся** к открытому обсуждению проблем церковной жизни вместе с народом Божиим, **не заботятся** о создании крепких христианских общин, которые могли бы противостоять врагам Церкви, **не желают** входить в тесное общение и сотрудничество с наиболее активными членами Церкви — клириками и мирянами, чтобы сообща, в духовном единении с церковным народом служить благу Церкви и проповеди Евангелия Христова. При этом они руководствуются таким пониманием **блага Церкви**, которое сложилось во время жестоких гонений, когда перед немногими уцелевшими епископами встал вопрос: бескомпромиссно отстаивать полноту церковной жизни и, возможно, оказаться в подполье или сохранить лишь легальное существование Церкви и возможность преподавать верующим таинства, пожертвовав всем остальным? В то же время было выбрано последнее, но сегодня, в эпоху гласности, речь идет не о выживании Церкви, а о восстановлении утраченной полноты церковной жизни.

Ныне Русская Православная Церковь — в бедственном состоянии!

Господь Иисус Христос, Основатель и Глава Церкви, заповедал апостолам: Идите по всему миру и ПРОПОВЕДУЙТЕ ЕВАНГЕЛИЕ всей твари (Марк, 16, 15).

Мы, члены Русской Православной Церкви, в настоящее время лишены возможности полноценной проповеди Евангелия, возможности изучать Слово Божие и учение православной веры.

У НАС НЕТ возможности открыто проповедовать Слово Божие где-либо вне стен крайне немногочисленных молитвенных зданий (в СССР всего около 7,5 тысячи православных приходов). В некоторых городах России с миллионным населением — одна церковь. Какая же миссионерская работа Церкви возможна в таких условиях?

У НАС НЕТ Библий и Новых Заветов — в достаточном количестве, дешевых, доступных всем желающим. За 70 лет Московской Патриархией было выпущено пять изданий Библии и три издания Нового Завета, общий тираж которых не превышает 400 тысяч экз., тогда как Русская Православная Церковь, по официальной оценке ее иерархии,

насчитывает несколько **десятков миллионов человек**, а желающих читать Священное Писание намного больше.

У НАС НЕТ ни одного изложения догматического и нравственного учения Православной Церкви — катехизического или богословского по характеру, — изданного в современный период для широких масс верующих. Московская Патриархия выпускает для них **только** календари да молитвенники — ничтожно малыми тиражами.

У НАС НЕТ библиотек богословской и религиозной литературы для церковного народа. В Русской Церкви существуют **три** библиотеки — при трех богословских школах, которые готовят священнослужителей, и **одна** библиотека при Священном Синоде находится в процессе создания, но этими библиотеками не могут пользоваться рядовые члены Церкви или любой желающий. Открывать же библиотеки при церквях запрещено законом. Поэтому единственная возможность что-либо узнать о вере и Евангелии — это посещение богослужений.

У НАС НЕТ, однако, и в церквях постоянной живой проповеди Евангелия, которая бы отвечала на насущные вопросы современных христиан, живущих в сложном и проблематичном XX веке. Хотя православная литургия и предполагает толкование Слова Божия и проповедь за каждой Евхаристией, в наших церквях многие священники вообще не проповедуют; другие проповедуют только в большие праздники. По содержанию эти проповеди, как правило, очень далеки от реальной жизни современных христиан. В результате среди верующих распространены суеверия и религиозное невежество.

У НАС НЕТ открыто осуществляемой катехизации для тех, кто в сознательном возрасте готовится приступить к святому крещению.

У НАС НЕТ обучения детей верующих основам христианской веры: законом запрещены воскресные школы, детские кружки по изучению Св. Писания, церковного пения, летние лагеря для верующих детей и любые другие формы религиозного воспитания детей в церковной общине — вне семьи.

У НАС НЕТ вероучительных лекций или бесед и каких-либо иных программ обучения взрослых членов Церкви основам православной веры или же семинаров и занятий с целью осмысления верующими волнующих их современных проблем с точки зрения христианской религии. Все это Церкви запрещено законом.

У НАС НЕТ богословского образования, соответствующего уровню современного богословия, и поэтому нет, за редким исключением, достаточно богословски образованных священников и мирян, которые могли бы

удовлетворить жажду религиозного знания у верующих и, в особенности, у интеллигенции и молодежи. Студенты всего трех богословских семинарий и двух академий Русской Православной Церкви изучают богословие по книгам и учебникам, изданным еще до революции 1917 года — **сто и более лет назад**; иностранной богословской литературы в библиотеках богословских семинарий крайне мало.

У НАС НЕТ поэтому и в полном смысле слова современной богословской науки, которая бы развивалась в творческой связи и взаимодействии с богословием других христианских Церквей. Нет и богословской периодики. За период после второй мировой войны Московской Патриархией не было издано ни одной книги какого-либо русского или зарубежного богослова. Единственное церковное периодическое издание — "Журнал Московской Патриархии" — выходит тиражом 30 тысяч экз. и в основном содержит официальную церковную информацию. Сборники статей "Богословские труды" издаются тиражом 10 тысяч экземпляров (всего вышло 30 сборников за 25 лет) и доступны лишь крайне ограниченному кругу клириков, студентов богословия и церковных чиновников; материалы этих сборников почти никогда не затрагивают наиболее острых и насущных проблем православного богословия и жизни Церкви в современном мире. Результатом такого положения является неспособность пастырей отвечать на вопросы современного человека, говорить с ним на его языке.

По учению святых апостолов Церковь есть **НАРОД БОЖИЙ** (1 Петра, 2, 10) и **ОДНО ТЕЛО** во Христе (Рим., 12, 5).

Мы, члены Русской Православной Церкви, в настоящее время не имеем возможности объединяться в тесные христианские общины, в которых священники были бы духовными вождями — подлинными пастырями словесного стада Христова.

У НАС НЕТ практически никаких возможностей общения верующих со своими епископами, кроме присутствия за богослужением, если его возглавляет епископ. Даже в небольших епархиях епископы — за редчайшими исключениями — прежде всего администраторы, ревниво относящиеся к своему престижу и избегающие всякого прямого контакта с верующим народом. Поэтому у нас нет возможности непосредственно влиять на наших иерархов.

У НАС НЕТ действенных форм выдвижения кандидатов в клир из среды церковного народа. Поступление в богословские учебные заведения, готовящие клириков, негласно контролируется властями. Без предварительного согласования с местной государственной

властью не проходит практически ни одно рукоположение в епархиях.

У НАС НЕТ тесной и постоянной связи священника со своим приходом, что позволяло бы создавать более крепкие приходские общины. Перевод на другой приход по указу епископа без всякого объяснения причин (а часто и по требованию властей) — обычное дело в жизни священника, особенно если он отличается пастырской или проповеднической активностью, пользуется признанием прихожан. Наиболее регулярны такие перемещения в крупных городах, где церковь посещают и молодые люди. Например, в Москве, городе с населением более 9 миллионов человек, где существует 44 православных прихода, однажды одновременно 17 священников было переведено с одного прихода на другой в пределах города.

У НАС НЕТ каких-либо форм общения верующих одного прихода вне богослужения — общих приходских собраний, совместных праздничных трапез, бесед на актуальные темы, волнующие христиан, просмотров кинофильмов и т. п. Христиане собираются в церковь **только** для молитвы за богослужением или для принятия таинств. Это приводит к глубокой разобщенности верующих. Посещение храма и даже принятие Евхаристии рассматривается скорее как частное дело каждого, чем как участие в общем совершении литургии.

У НАС НЕТ на практике и реального приходского самоуправления. Делами прихода заведует несколько человек во главе со старостой, которого утверждает и, как правило, выдвигает местная власть. Поэтому нередко эти распорядители в приходе — люди неверующие, специально поставленные атеистической властью для контроля за христианами и ограничения их религиозной активности.

У НАС НЕТ в приходах финансового отчета со стороны старосты и казначея перед всеми прихожанами, нет и возможности действенного контроля. Это привело к практически повсеместным финансовым злоупотреблениям и коррупции в приходах. Должностью старосты крупного городского прихода стала фантастически доходной и притягивает нечистых на руку людей.

У НАС НЕТ возможности свободно открывать новые приходы даже там, где они крайне необходимы. Из 22 тысяч православных приходов, существовавших в Советском Союзе в 1958 году, ныне действует только 7,5 тысячи. Правительственный Совет по делам религий получает сотни ходатайств об открытии церквей; многие из них не удовлетворяются годами и десятилетиями. Существующая практика государственной регистрации церковных общин создает возмож-

ности неограниченного произвола со стороны чиновников-атеистов. В результате наши храмы оказываются переполненными, священники не могут уделять прихожанам достаточного внимания.

У НАС НЕТ действенных форм участия церковного народа в решении общецерковных проблем, кроме денежных пожертвований на содержание церковно-административного аппарата, совершенно неподконтрольного рядовым верующим. И это при том, что, согласно православному учению, не только иерархия, но весь церковный народ является хранителем истины и благочестия. Выработанный недавно иерархией проект нового Устава внутреннего устройства Русской Православной Церкви — не опубликован и сохраняется втайне от клира и мирян; не допускается и мысли о его гласном обсуждении. На грядущем Поместном Соборе в июне этого года мирян будут представлять все те же проверенные чиновники церковного аппарата, а не действительные избранники народа.

У НАС НЕТ церковной прессы для верующих — газет, журналов (кроме единственного официального, о котором уже упоминалось), приходских листов или бюллетеней; нет религиозных передач по радио и телевидению; нет кино- и видеофильмов на религиозные темы, которые могли бы смотреть верующие в своих общинах.

У НАС НЕТ возможности свободно организовывать новые монашеские общины и открывать монастыри по желанию ревнителей монашеского подвига, несмотря на то, что в Русской Церкви в настоящее время среди молодежи и других групп верующих растет число призваний к монашеству.

У НАС НЕТ живых связей рядовых христиан с нашими братьями — православными христианами, а также христианами других конфессий за рубежом. В качестве представителей Русской Православной Церкви за границу для посещения других Церквей выезжают только официальные делегации, которые состоят из епископов, некоторых клириков и церковных чиновников, причем, как правило, Русскую Церковь представляют одни и те же лица — круг их очень тесен; эти же люди совершают паломничества к общехристианским святыням в Палестину и в другие страны. Миряне, не работающие в церковных учреждениях, совершенно лишены возможности общения с христианами за границей в качестве представителей своих общин и Русской Церкви.

Господь Иисус Христос заповедал Своим ученикам: напитать алчущего, напоить жаждущего, одеть нагого, принять странника, посетить больного и заключенного в темницу (Мф, 25, 35-36), а Св. Писание

свидетельствует, что в первой церкви учеников Христовых "все верующие БЫЛИ ВМЕСТЕ и имели ВСЕ ОБЩЕЕ" (Деян., 2, 44).

Мы, члены Русской Православной Церкви, в настоящее время не имеем возможности открыто и свободно исполнять эту заповедь нашего Господа Иисуса Христа, ибо государственный закон запрещает Церкви любую форму организованной благотворительности.

У НАС НЕТ права помогать нуждающимся прихожанам — членам нашей Церкви, нашим братьям и сестрам во Христе, посредством сбора пожертвований и оказания финансовой или какой-либо другой помощи, **открыто** организованной священником, приходским активом или прихожанами.

У НАС НЕТ права организованно оказывать материальную или иную помощь нуждающимся, недугующим и страждущим, которые не принадлежат к народу Божию и находятся вне ограды Церкви — в больницах, домах престарелых, домах для инвалидов, детских учреждениях и т. п.

У НАС НЕТ возможности служителям Церкви — священникам открыто и на законном основании посещать христиан в больницах, в военных частях, в тюрьмах и других местах заключения с целью оказания им духовной помощи и совершения таинств. Исключение закон делает лишь для умирающих и тяжелобольных, но и в этом случае требуются определенные условия (особо изолированное помещение). Практически это почти неосуществимо.

У НАС НЕТ возможности свободно использовать церковные средства, собранные в приходах, без специального разрешения местной власти, причем расходовать их можно исключительно на цели, связанные с отправлением культа. Значительные денежные средства, которые собирает Русская Православная Церковь, как и все церковное имущество, являются по закону собственностью государства и постоянно находятся под его контролем. Ежегодно большая часть церковных доходов под давлением государства отчисляется в различные фонды. Например, по официальным данным, только за один 1987 год Русская Церковь внесла в так называемый "фонд мира" более 30 миллионов рублей; одновременно для восстановления возвращенного в 1987 году Церкви Толгского монастыря в г. Ярославле, в прошлом закрытого, требуется, также по официальному сообщению, 15 миллионов рублей, однако пока собрано только 500 тысяч рублей.

Братья-христиане! Мы обращаемся к вам с призывом выступить с публичным протестом против реального положения верующих христиан в Советском Союзе и напомнить советскому правительству, широкой советской

общественности и, в особенности, официальным церковным руководителям — епископам Русской Церкви и церковным чиновникам, заявляющим всему миру о том, что в СССР существует религиозная свобода, что **НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ** без свободной проповеди Евангелия и преподавания учения Церкви среди самих христиан; без внутренне свободных христианских общин, объединенных вокруг своих пастырей и живущих подлинно **общей** жизнью детей Единого Отца небесного; без дел милосердия, помощи нуждающимся и страждущим, различных форм благотворительности, **открыто и законно** организованной церковными общинами. **НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИЗНАНА СВОБОДНОЙ ЦЕРКОВЬ**, внутренняя жизнь и деятельность которой ограничивается совершением богослужения и сбором средств с единственной целью — обеспечить возможность совершения богослужения.

Мы просим также тех, кто приезжает в СССР с Запада, протестовать против нарушения в нашей стране права свободы совести и жизни согласно своим убеждениям.

Мы просим вас призывать епископов, священников и других христианских лидеров на Западе оказывать влияние на **епископов Русской Православной Церкви**, которые не

предпринимают со своей стороны достаточно серьезных инициатив и реальных действий, чтобы улучшить положение своей паствы и создать условия для полноценной церковной жизни. Вместо этого они нередко публично дают ложные или намеренно односторонние сведения о состоянии церковной жизни в нашей стране, а также осуждают активность клириков и мирян, выступающих с требованиями увеличения религиозной свободы.

Православные христиане в нашей стране разобщены, не имеют подлинных духовных вождей и пребывают как овцы, не имеющие пастырей...

Братья и сестры во Христе! В июне этого года в России состоится официальное празднование 1000-летия Крещения Руси. Для всех нас это радостный праздник. Но торжественность предстоящих юбилейных богослужений и приемов не должна заслонить наболевших проблем и бед нашей Матери-Церкви и усыпить совесть христиан в России и во всем мире. Мы хотим, чтобы наши братья знали правду о нашем реальном положении.

ПОМОГИТЕ НАМ В ЭТОМ! Помните нас. Мы просим ваших святых молитв о нас, о нашей Церкви и стране. Господь со всеми вами!

Это воззвание переслал нам К. Ельчанинов из Парижа, из центра помощи гонимым христианам. Оно сознательно не подписано, но в составлении его принимали участие многие православные христиане со всех концов страны.

Редакция.

Э. ОГАНЕСЯН

К СОБЫТИЯМ В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ

Хроника

Когда 23 марта Президиум Верховного Совета СССР принял решение об оставлении Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР, армяне и многие их сторонники расценили это как победу антигорбачевских сил и среди них появилась растерянность, которая хорошо выражена в открытом письме Сильвы Капутикян. Но после статьи Андреевой сторонники перестройки постепенно пришли в себя и начали наступление на консервативное крыло в руководстве. Тогда и в вопросе Карабаха общественное настроение стало склоняться в пользу армян и армяне решили не мешать Горбачеву в укреплении собственной власти. Им казалось, что это единственно разумный путь, ибо демонстрации и протесты были на руку противникам Горбачева и могли помешать ему. А если Горбачева и его сторонников отстранят от власти, то проблема Карабаха будет закрыта окончательно.

Затишье наступило, но оно было весьма

напряженным и взрывоопасным. Однако это временное затишье было выгодно первому секретарю ЦК КП Армении, который представил его как результат собственных усилий, а сам перед Москвой представился как хозяин положения.

Между тем 29-го апреля состоялась сессия Нагорно-Карабахского областного Совета народных депутатов, которая заслушала отчет облисполкома о работе за 1987 год. Сессия освободила В. В. Осипова от обязанностей председателя исполкома областного Совета в связи с переходом на другую работу.

Это был тревожный сигнал, поскольку именно под руководством Осипова было принято решение о присоединении Нагорного Карабаха к Армении. Это решение было главным козырем для армян, поскольку оно было официально направлено в законодательные органы Армении и Азербайджана.

Правда, Верховный Совет СССР уже принял

свое решение, не спрося мнений ни у Армении, ни у Азербайджана, но для армян это было нарушением Конституции, которое должно быть исправлено, если демократические силы общества окажутся у власти.

Но вот затишью пришел конец. 11 мая в Нагорном Карабахе и в Армении начались демонстрации протеста. В этот день в Сумгаите судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Азербайджанской ССР приступила к рассмотрению дела Исмаилова, участвовавшего в беспорядках. В обвинении было сказано, что Исмаилов из хулиганских побуждений совершил убийство. В результате убийца получил 15 лет лагерей. Это никак не устраивало армян, которые хотели видеть в обвинении не хулиганство, а геноцид, ибо в Сумгаите убивали людей просто за то, что они армяне. Армяне требовали для преступников высшей меры наказания. В потоке писем Судебной Коллегии армянские интеллигенты, в частности, бывший председатель Союза писателей Армении Вардкес Петросян, просили разъяснить, для каких еще случаев предусмотрена высшая мера наказания. Демонстрации в Карабахе и в Армении начали принимать массовый характер. Комитет "Карабах" выдвинул следующие требования:

1. Верховный Совет Армянской ССР должен рассмотреть вопрос присоединения Карабаха к Армении, с учетом решения Карабахского Обкома.

2. Суд над преступниками из Сумгаита должен быть передан московской, а не азербайджанской судебной коллегии.

3. Заседание Верховного Совета должно быть открытым и должно транслироваться по радио и телевидению.

Эти требования и демонстрации вызвали новые столкновения между азербайджанцами и армянами, которые не были столь массовыми, как в Сумгаите, но они были, и сведения о них просачивались даже в официальную прессу. Так, 24 мая газета "Бакинский рабочий" писала: "20-ого мая жители Баку А. Рамазанов и Э. Исмаилов из хулиганских побуждений избили гражданку Р. Аракелян. Оба были задержаны, однако дежурный старший лейтенант милиции Я. Ибадов освободил правонарушителей. Министерство внутренних дел республики уволило Ибадова из органов внутренних дел".

Сведения об армяно-азербайджанских столкновениях приходили из разных концов страны, но главные погромы готовились в Баку, где проживает 200 тысяч армян. Кажется, готовился сумгаитский вариант погромов. Поддерживаемые и подстрекаемые антигорбачевскими силами, которые на всех фронтах пытались доказать бесполезность и вредность перестройки, азербайджанцы готовились к погрому, а бакинское радио каждый

день рассказывало о мифических нападениях армян на азербайджанцев.

В этой ситуации Горбачев наконец решился освободить от занимаемых должностей первых секретарей ЦК Армении и Азербайджана.

На эту операцию в Армению были посланы члены Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев и В. И. Долгих, а в Азербайджан — член Политбюро Е. К. Лигачев и секретарь ЦК КПСС Разумовский. Причем в Армении Яковлев с удовольствием снимал своего противника К. Демирчяна, тогда как в Азербайджане Лигачев нехотя избавлялся от своего сторонника и единомышленника Багирова.

21-го мая ТАСС сообщил, что пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Армении освободил тов. Демирчяна К. С. от обязанностей первого секретаря ЦК в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья. Пленум избрал первым секретарем ЦК КП Армении тов. Арутюняна С. Г.

Одновременно ТАСС сообщил, что 21 мая пленум ЦК Компартии Азербайджана освободил К. М. Багирова от обязанностей первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья. Первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана избран А. Х. Везиров.

Однако эти события еще более накалили обстановку. Азербайджанцы расценили эти перемены как давление со стороны Москвы, где у сторонников Горбачева проармянские настроения. Армяне же восприняли эти события как свою победу, восприняли духом и продолжили массовые демонстрации, прибавив к прежним требованиям еще одно: ликвидацию Советско-Турецкого договора 1921 года. Это требование было результатом либо неосведомленности, либо головоткружения. Дело в том, что в договоре 21-го года о Нагорном Карабахе ничего не сказано. Там сказано лишь о Нахичеванской области, которая граничит с Ираном и Турцией, и потому вопрос ее административного статуса мог быть включен в Советско-Турецкий договор. Что же касается Нагорного Карабаха, то о своем желании видеть его в составе Азербайджана Кемаль Ататюрк высказывался лишь устно. Этот вопрос не мог быть включен в Советско-Турецкий договор, поскольку он был чисто внутренним делом СССР. Демонстранты либо этого не знали, либо, окрыленные кажущимися успехами, решили замахнуться и на Нахичеван. В создавшейся ситуации это было совершенно не кстати.

Неожиданно Совет Министров Армянской ССР рассмотрел проблему беженцев из Сумгаита и решил их размещать в Армении. Об этом появились официальные сообщения в армянской прессе. Это был серьезный поворот в политике отношения к беженцам, поскольку

при К. Демирчяне беженцев чуть ли не насильно возвращали в Сумгаит.

Между тем на театральной площади в Ереване молодые армяне и армянки начали голодовку. Депутаты Верховного Совета Армянской ССР приходили на площадь и уговаривали голодающих и демонстрантов прекратить протесты. В обмен они обещали поднять вопрос о Карабахе на очередном заседании Совета Министров Арм. ССР.

Одновременно начались массовые демонстрации азербайджанцев в Баку. Как и в случае Сумгаита, бакинское радио передало, что во время демонстраций был убит азербайджанский милиционер. В Баку были введены войска, которые перекрыли дороги, ведущие в Арменикенд, т.е. в тот район Баку, который населен преимущественно армянами.

В Армении началась массовая забастовка. Во всех городах Армении не работали предприятия, транспорт и школы.

Неожиданно демонстранты расширили свои политические требования. Приближалось 28-е мая — день независимости Армении. Эту независимость армяне приобрели в 1918 году, в дни бурных событий русской революции, вопреки желанию большевиков. Эта независимость длилась всего 2,5 года, после чего Красная армия советизировала Армению. Было время, когда одно упоминание о существовании этой Армении каралось расстрелом. А теперь демонстранты требовали признания и официального празднования этой даты. Сопrotивление со стороны властей было столь слабым, что 28 мая демонстрация состоялась и люди вышли на площадь с трехцветными знаменами независимой Армении. Надо было что-то предпринимать. И вот 7 июня перед демонстрантами в Ереване выступил новый первый секретарь ЦК КП Армении Арутюнян. Он обещал, что 15 июня на сессии Верховного Совета Армянской ССР будет обсуждаться проблема Карабаха и будет принято решение в пользу присоединения Карабахской области к Армении.

В ответ на это выступление Арутюняна в Баку перед демонстрантами выступил первый секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР Везиров и обещал, что Карабах не будет передан Армении и что Верховный Совет Азербайджана примет встречное решение.

Видимо, о намерении Верховного Совета Армянской ССР азербайджанцам было известно еще раньше. Об этом, видимо, совещались Арутюнян и Везиров еще раньше, поскольку еще 1-го июня Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР вынес постановление о переносе открытия сессии Верховного Совета Азербайджанской ССР одиннадцатого созыва на 17 июня. Азербайджанцы явно ждали сессии Верховного Совета

Армянской ССР.

15 июня ТАСС сообщил: "Сессия Верховного Совета Армении рассмотрела вопрос "о решении внеочередной сессии областного Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР от 20-го февраля 1988 года о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджанской ССР и Армянской ССР о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР". Она постановила дать согласие на вхождение Нагорно-Карабахской Автономной области в состав Армянской ССР. Верховный Совет республики обратился к Верховному Совету СССР с просьбой рассмотреть этот вопрос. На сессии образована постоянная комиссия межнациональных отношений и интернационального воспитания".

17 июня ТАСС сообщил: "Сессия Верховного Совета Азербайджанской ССР рассмотрела ходатайство депутатов Совета Народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в Армянскую ССР и одобрила постановление президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР о неприемлемости передачи НКАО из состава Азербайджана в состав Армении. Сессия считает, что принятое ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановление "О мерах по ускорению социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в 1988—1995 годах" и мероприятия, осуществляемые ЦК Компартии Азербайджана и Советом Министров республики, создают благоприятные условия для ускорения развития производительных сил, удовлетворения экономических и духовных потребностей как армянского и азербайджанского населения, так и других национальностей автономной области. На сессии образована постоянная комиссия межнациональных отношений и интернационального воспитания. Депутаты утвердили закон Азербайджанской ССР "О народном обсуждении важных вопросов государственной жизни".

Два этих решения при существующей структуре власти в СССР сенсационны. Если учесть, что все национальные республики, кроме РСФСР, имеют свои коммунистические партии, что КПСС фактически заменяет русскую коммунистическую партию, то противоречивые решения Верховных Советов Азербайджана и Армении можно расценить двояко: либо коммунистические партии Армении и Азербайджана вышли из-под контроля всесоюзной коммунистической партии, частью которой они являются, либо горбачевская перестройка и впрямь увеличила власть государственных органов и они вышли из-под контроля местных партийных органов. Вторая версия была бы более вероятной, если бы

перед заседаниями Верховных Советов Армении и Азербайджана оба первых секретаря не высказали бы прямо противоположные точки зрения. Видимо, что-то изменилось в структуре власти, и два первых секретаря республик, будущие члены ЦК по должности, позволили себе на глазах у Москвы вцепиться друг в друга.

Так или иначе, решение Верховного Совета Армении основательно меняет ситуацию в Нагорном Карабахе. Армянское правительство, а точнее, законодательные органы Армении, фактически встали на защиту интересов народа, и теперь эти интересы в Москве будут защищать не диссиденты и поэты, а законные руководители Армении. Теперь армянским демонстрантам незначительно демонстрировать в Ереване перед армянскими правительственными зданиями, ибо официальные власти выполнили требование демонстрантов. И не случайно, что после этого решения забастовщики не только вернулись на работу, но и серьезно стали работать сверхурочно, чтобы компенсировать нанесенный предприятиям вред.

Несмотря на то, что решение Верховного Совета Армянской ССР для решения карабахской проблемы юридически не очень много значит, ее моральное значение трудно переоценить. Действительно, местные власти Нагорно-Карабахской области обратились к Верховным Советам Азербайджана и Армении с просьбой о присоединении области к Армении. Армянские законодательные органы эту просьбу не отклонили, а азербайджанцы отклонили. Вот и все. Окончательное решение должен принять Верховный Совет СССР. И тем не менее ситуация резко изменилась. Если раньше советская пресса, да и официальные лица могли рассказывать сказки о том, что события в Нагорном Карабахе связаны с деятельностью зарубежных антисоветских центров, что демонстранты в Армении и Нагорном Карабахе — экстремисты и хулиганы, то теперь всему этому пришел конец, ибо присоединения Карабаха к Армении требует весь армянский народ во главе с правительством Армении.

В этом смысле позиция Азербайджанского Верховного Совета несколько слабее, ибо свое решение он принял вопреки воле своих граждан, в данном случае карабахцев.

В Москве, в беседе с журналистами, начальник Управления информации МИД СССР Герасимов сказал, что в настоящее время остается неясным, каким образом может быть разрешен территориальный спор в Советском Закавказье. Герасимов указал на наличие различных интерпретаций Советской Конституции в территориальном споре между Арменией и Азербайджаном. Герасимов сказал, что две статьи в этом деле "сталкиваются"

и необходимо следить за развитием событий прежде, чем будет найден ответ на спорный вопрос.

Одна статья Конституции, — по словам Герасимова, — предусматривает одобрение заинтересованными республиками каких-либо территориальных перемен, после чего должно последовать утверждение этих изменений Верховным Советом СССР. В другой статье Конституции — на нее ссылаются армяне — говорится о самоопределении национальностей и добровольности союза. И несмотря на то, что в советской прессе стали чаще появляться статьи о Карабахе, 17 июня газета "Известия" подвергла критике освещение советскими средствами информации событий в Закавказье. По словам газеты, недостаточное освещение происходящих там событий центральными газетами создает ложное впечатление, будто бы ситуация в Армении и Азербайджане нормализовалась. Газета особо отмечает крайне скудную информацию о судебных процессах в Сумгаите.

Зарубежные армяне во всех странах мира, где они проживают, провели массовые демонстрации. Демонстранты требуют у 19-й партийной конференции рассмотрения и положительного решения проблемы Нагорного Карабаха. Между тем начались кровавые столкновения армян и азербайджанцев под Ереваном, в районе Масис, где проживает много азербайджанцев: 20-го июня 16 человек получили ранения. Восемь из них армяне и восемь азербайджанцы. Беспорядки эти начались 17 июня. 20 июня Ереванское радио сообщило, что виновниками этих волнений были армяне. Радиосообщение прочитал лично председатель президиума Верховного Совета Армянской ССР Грант Восканян. Восканян сказал, что виновные будут сурово наказаны. Из инакомыслящих кругов сообщили, что в столкновениях были убитые. Однако начальник Управления информации МИД СССР Герасимов опроверг эти слухи и подтвердил заявление Восканяна о 16 раненых.

21-го июня из Москвы поступило официальное сообщение, что областной Совет Нагорного Карабаха призвал Верховный Совет СССР по меньшей мере временно взять эту область под свой непосредственный контроль. Областной Совет указал, что это предоставило бы Верховному Совету время на то, чтобы решить территориальный спор между Арменией и Азербайджаном. По мнению Облсовета, такая мера привела бы также к стабилизации положения в Закавказье. Областной совет Нагорного Карабаха заявил об этом после заседания в Степанакерте. Западные корреспонденты сообщили, что возле здания областного Совета состоялась многотысячная демонстрация в поддержку требования о передаче Нагорного Карабаха Армении. Кроме

того, из Степанакерта сообщили, что депутаты областного совета сочли Азербайджанский суд, рассматривавший дела об убийствах в Сумгаите, слишком снисходительным к преступникам. Депутаты призвали Верховный суд СССР взять на себя рассмотрение этих дел.

22-го июня из района Марнеули, который находится в Грузии, на границе с Арменией, поступили сообщения об армяно-азербайджанских столкновениях. В этом районе проживает много азербайджанцев, которые устроили демонстрацию, требуя присоединения этого района к Азербайджану.

Из Москвы сообщили, что в одной частной беседе Лигачев сказал, что если армяне не перестанут бастовать, то Нагорный Карабах будет передан РСФСР. Нужно сказать, что с таким решением армяне согласны. Между тем 31 мая состоялся пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Армении, который выбрал делегатов на Всесоюзную партийную Конференцию от коммунистической партии Армении.

Среди 51 делегата лишь несколько человек являются сторонниками перестройки, а остальные ее ярые противники. Среди них председатель Комитета Госбезопасности Марус Юзбашян, который в 43 году служил в СМЕРШе и стрелял в отступающих советских солдат, а теперь поехал в Москву на перестройку. Среди них также ближайший единомышленник К. Демирчяна, председатель Совета Министров Армянской ССР, генерал КГБ Саркисян Ф. Т. Словом, от армянской делегации на партийной конференции с самого начала многого ожидать не приходилось.

Вернемся еще раз к противоречивым решениям Верховных Советов республик. 15-го июня сессия Верховного Совета Армянской ССР приняла постановление: дать согласие на вхождение Нагорно-Карабахской автономной области в Армению, руководствуясь статьей 70 Конституции СССР о праве свободного самоопределения наций.

А 17 июня сессия Верховного Совета Азербайджанской ССР единогласно одобрила постановление Президиума о неприемлемости передачи Нагорного Карабаха в Армянскую ССР. Однако азербайджанский парламент заседал не полным составом. Отсутствовали 9 депутатов из 10 из Нагорного Карабаха.

На сессии Верховного Совета Армянской ССР депутат Б. Степанян сказал: "Требование Нагорного Карабаха о присоединении к Армении исходит из духовных, культурных, конституционных истоков, это требование вытекает из ленинского принципа самоопределения наций".

На сессии Верховного Совета Азербайджанской ССР депутат А. Рзаев сказал: "Нагорный Карабах тысячелетие до революции и 68 лет

после нее был составной частью Азербайджана. Изменение административных границ советских республик недопустимо, ибо служит не укреплению дружбы народов, а направлено во вред ей".

Конфронтация между руководством Азербайджана и Армении поставила Москву перед трудным выбором: на чью сторону встать.

Для укрепления армянских позиций на предстоящей партийной Конференции, в Степанакерте состоялась 21 июня областная сессия народных депутатов Нагорного Карабаха, которая сочла необходимым обратиться в Верховный Совет СССР с просьбой весьма внимательно рассмотреть решение Верховного Совета Армянской ССР. Более того, депутаты просили временно передать Нагорный Карабах под управление Верховного Совета СССР или РСФСР, в частности, включить ее в состав Ставропольского края, который считается вотчиной Горбачева. 23 июня во все крупные города Закавказья были введены десантные войска. Это несколько окрылило армян, ибо они расценили факт введения войск так, что партийная конференция решит вопрос Нагорного Карабаха в пользу армян, а это может вызвать новую резню со стороны азербайджанцев.

27 июня, за день до открытия партийной конференции, "Вестник общественных наук" Академии наук Армянской ССР опубликовал статью двух армянских историков, проф. В. Микаэляна и проф. А. Хуршудяна "Некоторые вопросы истории Нагорного Карабаха", где на обширном историческом материале доказывалась историческая принадлежность Нагорного Карабаха к Армении. В заключении этой статьи авторы писали: "Вышеприведенные свидетельства древнегреческих, латинских и армянских источников дают полное основание заключить, что совершенно напрасны стремления ряда азербайджанских историков (З. Буниятов, Ф. Мамедова, Р. Геюшев, М. Нейматов, М. Ахундов и др.), предпринявших за последние четверть века упорные попытки пересмотреть и исказить никогда не вызывавшие споры у историков вопросы истории Арцаха и доказать недоказуемое: якобы Арцах и Утик и вообще армянский Алурак — это албанские области".

Перед партийной конференцией общая ситуация, без особых на то причин, расценивалась так, словно демократические и перестроечные силы, да и сам Горбачев стоят на армянской стороне, а консервативные и антигорбачевские — на азербайджанской. Так думали армяне потому, что им очень хотелось, чтобы это было так. Так думали инакомыслящие, поскольку требования армян считали справедливыми. Но Москва не спешила выполнять роль высшего арбитра. Ученые Армении и Азербайджана писали прямо проти-

воположные вещи, а Академия Наук СССР молчала, как будто история Карабаха ее не касалась. Армяне и азербайджанцы рассказывали прямо противоположные вещи о ситуации в Нагорном Карабахе, а Москва ограничивалась тем, что на разный лад твердила: "Ну, помириться, ребята, зачем ругаться из-за пустяков?"

Между тем спор был не пустяковый. 19 июля по армянскому телевидению выступил председатель президиума Верховного Совета Армянской ССР и сообщил, что в Армении, в поселке Масис, произошли кровавые столкновения между армянами и азербайджанцами. В тот же день, на очередном брифинге, начальник управления МИД СССР Герасимов сказал: "В субботу в поселке Масис и ближнем селении произошли столкновения локального характера. Было ранено 16 человек: 8 армян и 8 азербайджанцев. Жертв нет, хотя мне уже попадались сообщения Рейтер и Ассошиэйтед Пресс со ссылкой на какого-то добровольного осведомителя о том, что там погибло 12 человек. Повторяю: это неправда. Причина этих столкновений носила житейский характер, они произошли на почве обмена жилплощади. К сожалению, сейчас там происходит не очень приятный процесс миграции из двух республик". Москову стали раздражать упорство армян и неуступчивость азербайджанцев. 15 июня "Комсомольская правда" опубликовала статью "Дом под общей крышей", где было сказано: "Кому это выгодно? Кому это нужно? Чья злая воля торжествует, когда стоят предприятия в Степанакерте, нанося экономике СССР миллионные убытки, устраивают голодовку на театральной площади в Ереване, а недобрая рука провокатора поднимает националистический лозунг в Баку?" Это был все тот же окрик: "Ребята, кончайте, это выгодно нашим врагам". Официальная Москва, да и московская интеллигенция, держались нейтральной позиции, а инакомыслящие стояли без исключения на стороне армян. И создавалось такое впечатление, что армяне — это инакомыслящие в общенациональном масштабе, а азербайджанцы стоят за мир и нерушимость советского государства. Кроме официальных симпатизантов, у армян были и скрытые. Сотрудник Института этнографии АН СССР Г. В. Старовойтова написала трогательное письмо Сильве Капутикян, где было сказано: "Друзья (мне хочется так вас назвать), не нам, русским, давать советы армянам, чья история, письменность, культура вообще да и сама нация древнее наших. Знайте, что у вас есть неведомые друзья в Москве и Ленинграде, что все наши помыслы в эти дни с вами. То немногое, что зависит от нас, этнографов и историков, мы делаем невзирая на запреты и не будучи связаны ни

с какими группировками".

Из этого письма мы узнаем, что есть запреты на объективные исторические и этнографические исследования. Этот факт весьма настаивал, поскольку эти запреты никак не подходили к эпохе гласности.

В такой обстановке открылась партийная конференция, на которой первые секретари ЦК КП Армении и Азербайджана между собой не разговаривали и не здоровались.

В речи Горбачева карабахская проблема весьма отдаленно и не прямо упоминалась дважды. В первый раз Горбачев отметил, что перекройка границ — антисоциалистическое требование, а во второй раз он сказал, что нельзя разжигать националистические страсти. Первое относилось к армянам, второе — к азербайджанцам. На нормальном языке это означало, что Нагорный Карабах Армении передан не будет, но азербайджанцы пусть прекратят погромы армян. В своих выступлениях секретари ЦК Армении и Азербайджана защищали свои позиции, но в решениях конференции о карабахской проблеме ничего не было сказано. Иначе говоря, партийная конференция не только ничего не решила в пользу армян, как того ожидали армяне, но и обвинила армян в экстремизме, теперь уже на уровне правительства. Этого было достаточно, чтобы протесты и забастовки в Армении возобновились с новой силой.

3 июля комитет "Карабах", который играл роль стачечного комитета, призвал трудящихся Армении к всеобщей забастовке. 4 июля все основные предприятия главных городов Армении не работали. На улицы вышли сотни тысяч демонстрантов. Демонстранты заняли аэропорт и остановили движение самолетов. В аэропорт двинулись десантные войска, которые начали безжалостно избивать демонстрантов. Очевидцы рассказывают о страшных зверствах десантников, которые дубинками и ногами избивали детей и женщин. Очевидцы утверждают также, что десантники были либо сильно подвыпившими, либо под воздействием наркотиков: у всех были необычно красные глаза и их поведение было ненормальным.

6 июля "Правда" рассказала об обстановке в Ереване и отметила, что "в последние дни в Ереване вновь начались митинги. Теперь уже требования участников приняли форму ультиматума. К сожалению, призыв к забастовке получил поддержку. С утра в понедельник некоторые предприятия не работали. Собравшимся на театральной площади Еревана кем-то был брошен клич "заблокировать аэропорт". Большая колонна людей двинулась по трассе и вскоре заполнила аэропорт. Скопившиеся в аэропорту демонстранты мешали работе людей. В аэропорту скопилось большое количество пассажиров. Участники

митингов грубо нарушили порядок в аэропорту. Были предприняты меры, чтобы добиться восстановления нормального действия авиалиний”.

В тот же день, т.е. 6 июля, ТАСС сообщил: “Отвечая на вопросы журналистов, заместитель начальника управления информации МИД СССР Вадим Перфильев рассказал, что 5 июля в здании Ереванского аэропорта собрались более 400 человек, а вокруг еще около 1,5 тысячи человек. Они блокировали работу касс, выходили на взлетные полосы, мешали выдаче багажа, продаже билетов. Была парализована работа диспетчерских служб. Представители войск охраны общественного порядка в течение часа через усиленные уговаривали собравшихся покинуть здание, а затем вытеснили их из помещения аэропорта. Речь шла именно о вытеснении, а не о столкновениях и драках. 36 человек было ранено”.

В сообщении ТАСС много лжи. Во-первых, толпу “вытесняла” не милиция, которая в Армении полностью армянская, а десантники, русские по национальности, которых можно было видеть в западных телевизионных передачах. Во-вторых, жертвы не ограничивались ранеными, но был в упор застреленный армянин, похороны которого вылились в массовую демонстрацию. И, кроме того, раненых было не 36 человек, а 96 человек, в чем признались официальные лица в Армении. Можно представить себе это вытеснение, если из 400 человек пришлось ранить 96 и убить одного. 6 июля центральное телевидение показало улицы Еревана, заполненные сотнями тысяч демонстрантов. Диктор сообщил, что в Армении не работают большинство предприятий. Войска окружили театральную площадь и пытались разогнать демонстрантов, но это им не удалось. Наконец, Москва решила удовлетворить одно из неосновных требований демонстрантов.

8 июля советское телевидение передало, что судебные дела, возбужденные против некоторых участников февральских волнений в азербайджанском городе Сумгаите, переданы в судебные инстанции РСФСР. Передача дел была сделана по указанию Верховного Совета СССР и прокуратуры СССР. В сообщении, однако, не указывалось, где и когда было принято это решение. С 9 июля началась политика умиротворения армянских демонстрантов. Из Еревана были выведены войска. Советское телевидение передало призывы армянского католикоса Вазгена и председателя мусульманского совета Закавказья Паше-Задэ к миру и уважению между нациями. Между тем в Ереван поступили сведения, что 7 июля Европейский парламент выступил с осуждением насилия и репрессий по отношению к армянам в Азербайджане. В резо-

люции по этому поводу Европейский парламент высказал поддержку требованиям о передаче Армении Нагорного Карабаха. В резолюции содержался призыв к советскому правительству обеспечить безопасность армянского населения в Азербайджане. Европейский парламент также обратился к Верховному Совету СССР с просьбой изучить выдвинутый Арменией план о передаче Нагорного Карабаха под контроль Верховного Совета СССР или РСФСР. Весть эта придавала армянским демонстрантам новые силы, и они в тот же день, т.е. 9 июля, снова собрались на демонстрацию. Ночью в Ереван снова были введены войска. Из демонстрантов выделилась группа комсомольцев и потребовала, чтобы ЦК Комсомола Армении высказал свою точку зрения по вопросу Карабаха, в противном случае они грозили вернуть комсомольские билеты в райкомы.

13 июля “Комсомольская правда” сообщила, что примерно 20 молодых армян вернули свои комсомольские билеты и отказались от членства в этой организации. Может быть, именно они направили Горбачеву, Громыко, Рыжкову и Язову телеграмму следующего содержания, которая на Запад попала 13 июля: “Мы требуем, чтобы правительство нашей страны официально и по центральному телевидению выразило свое соболезнование семьям погибших в Сумгаите и гарантировало безопасность армянского населения, проживающего в любом уголке нашей страны. Невыполнение этого требования в течение 5 дней будет означать несостоятельность или нежелание правительства нашей страны в обеспечении безопасности армянского народа. В этом случае нам останется прибегнуть к самозащите”. Под телеграммой стоит подпись: Союз Молодых Армян.

У демонстрантов постепенно усиливались антирусские настроения, поскольку русская интеллигенция армянских требований не поддерживала, продолжая оставаться на умиротворенческой позиции. Антирусские настроения настолько усилились, что армянская поэтесса Сильва Капутикян 9 июля заявила, что многие армянские интеллигенты вышли из состава “Карабахского Комитета”. По словам Капутикян, эта организация выполняла роль забастовочного комитета в Ереване, но ее антирусский тон не отвечает настроениям большинства армян.

10 июля к армянским демонстрантам присоединились московские армяне. Западные корреспонденты из Москвы сообщили, что несколько сотен армян собрались на армянском кладбище в Москве для обсуждения возобновившихся демонстраций в Армении. Демонстранты подвергли критике действия войск в Ереванском аэропорту. Собравшиеся критиковали средства массовой информации,

которые очень скупо и тенденциозно освещали события в Армении и Нагорном Карабахе.

10 июля бакинское радио сообщило, что поток беженцев из Армении продолжается. Бежали азербайджанцы, поскольку положение в Армении было охарактеризовано как сложное и напряженное. По словам бакинского радио, около 20 тысяч азербайджанцев из Армении временно размещены в Азербайджане. Радио опровергло слухи, что беженцы размещены в домах армян, которые, в свою очередь, покинули Азербайджан. На следующий день, т.е. 11 июля, по бакинскому телевидению выступил первый секретарь ЦК КП Азербайджана Везиров и в грубой форме пригрозил расправой с демонстрантами и забастовщиками Нагорного Карабаха. В ответ на эту угрозу Областной Совет депутатов трудящихся Нагорного Карабаха объявил, что 12 июля на своем очередном заседании будет обсуждать положение в регионе. Этого заседания многие ждали с нетерпением, поскольку карабахцы должны были ответить на вопрос, что дальше делать. Кроме угроз Везирова, были еще и обнадеживающие моменты. В Армении демонстранты не только не отступали, но и начали поднимать трехцветное знамя независимой Армении. 10 июля Герасимов объявил, что как Верховный Совет СССР, так и пленум ЦК КПСС вскоре должны рассмотреть вопрос Карабаха. Правда, член Политбюро Яковлев в интервью итальянской коммунистической газете сказал, что границы между республиками изменению не подлежат, тем не менее армяне еще и еще раз надеялись на чудо, поэтому от решения областного Совета Карабаха многое зависело. 12 июля заседание Совета состоялось. Единственно, при одном воздержавшемся, Совет проголосовал за отделение области от Азербайджанской ССР и за присоединение ее к Армении. Областной Совет принял также решение о переименовании Нагорно-Карабахской автономной области в Арцахскую автономную область Армянской ССР.

Как рассказывают очевидцы, той же ночью были собраны депутаты Верховного Совета Азербайджана и на экстренном своем заседании вынесли решение о неприемлемости решения Карабахского Совета.

А в Ереване демонстрации продолжались и демонстранты потребовали, чтобы официально было объявлено об убийстве молодого человека в аэропорту города Еревана. Наконец, 12 июля, "Известия" опубликовали сожаление старшего следователя Николаева по поводу гибели молодого армянина в столкновениях у ереванского аэропорта. При этом Николаев, выступивший по армянскому телевидению, заявил, что действия в аэропорту были оправданны.

18 июля в Кремле состоялось заседание

президиума Верховного Совета СССР. На заседании присутствовали Горбачев и делегации Азербайджана и Армении во главе с председателями президиумов Верховных Советов обеих республик Г. М. Восканяном и С. Б. Татлиевым. В составе азербайджанской делегации был также секретарь обкома партии Карабахской области Г. А. Погосян.

Демонстранты в Армении решили прекратить забастовки и демонстрации во время заседания, чтобы не давить на делегатов заседания. Выступление Громыко было жидким и не содержало ничего, кроме того, что необходимо восстановить порядок в Закавказье. Перед началом заседания делегатам был роздан проект резолюции, где предлагалось оставить статус Нагорного Карабаха без изменения.

В своем выступлении Г. Восканян подробно остановился на истории включения Карабаха в состав Азербайджана, расценил это как одно из преступлений Сталина и сказал, что не понимает, как один народ может решать судьбу другого народа. В заключении своего выступления он сказал, что если предложенный проект резолюции будет принят, то последствия могут оказаться очень плачевными. Восканян в своем выступлении прямо высказал ту мысль, что сумгаитский погром был организован с ведома азербайджанских властей и что новое азербайджанское руководство пугает Москву новыми погромами.

Горбачев его резко перебил, заявив, что история никого не интересует, что нужно срочно исправлять положение.

Президент АН Армении академик Амбарцумян тоже высказался за присоединение Карабаха к Армении и тоже был подвергнут нападкам Горбачева, который его грубо прерывал.

Секретарь ЦК КП Армении предложил как временную меру передать Карабах центральным властям. Весьма ярким было выступление секретаря обкома Карабаха Погосяна, который сказал, что "65 лет существования так называемой "автономии" были годами унижения, оскорбления и всяческих притеснений армянского населения области".

Он сказал, что единственный выход из создавшегося положения это присоединение области к Армении.

Представители Азербайджана выступали с прямо противоположными тезисами и встретили одобрение Горбачева. Председатель Верховного Совета Азербайджана дал интервью турецкой газете и обещал, что Карабах останется в составе Азербайджана. Заседание проходило в очень напряженной обстановке, и делегаты армянской и азербайджанской делегаций прямо переругивались. Все остальные делегаты поддержали проект резолюции.

В 6 часов вечера ТАСС сообщил, что

Президиум Верховного Совета СССР решил оставить Нагорный Карабах в составе Азербайджана. Одновременно он предлагал провести мероприятия по улучшению положения армян в области. Это сообщение ТАСС было передано для заграницы. В Армении об этом не знали до вечера следующего дня и продолжали работать. Только на следующий день, в 10 часов вечера, армяне узнали об этом решении. За эти 24 часа в Армении под руководством Москвы проводились партийные собрания, а руководители КГБ вызывали к себе всех активных членов забастовочного движения. Им было сказано, что если демонстрации будут продолжены, войска будут стрелять в демонстрантов. Заместитель главного прокурора СССР заявил, что в случае демонстраций в городе будет введен комендантский час. 19 июля на театральной площади Еревана собрались демонстранты, перед которыми выступили руководители республики и стачечных комитетов. С мрачным видом они настоятельно попросили народ разойтись по домам. Люди так и поступили. Только карабахцы продолжают забастовку. 20 июля был лишен гражданства Паруйр Айрикан и выслан за границу. Он был одним из активных деятелей карабахского движения.

В конце июля мы получили эту статью-хронику от Э. Оганесяна и этим мы закрываем на этот номер сообщения о событиях в Армении и Азербайджане. Надежды армян на Горбачева и перестройку оказались напрасными. Горбачев обошелся с представителями армян, в том числе и с академиком Амбарцумяном, весьма грубо, перебивал их, не давал высказаться. Напрасно только часть армян сочла нужным разочароваться в "русских" и в "России". Особенно те армяне, которые живут под коммунизмом уже деся-

тилетия, должны понимать, что дело здесь не в русских, а в коммунистической политике, которая всегда свою выгоду поставит выше тех или иных национальных устремлений, в том числе и русских. Решение в пользу армян могло бы повести к тому, что и другие национальности предъявили бы те или иные требования. Но нам кажется, что главная причина такого решения заключалась в принципиальной установке коммунистической диктатуры: никогда не следовать желаниям, высказанным населением, а всегда показывать им, так сказать, кто хозяин в доме. Гласность и перестройка ничего в этой установке не изменили. Горькой иронией звучит очередной ответ "радио Ереван" на вопрос, изменили ли "гласность и перестройка что-либо в мире: "В принципе "да", но только на Западе". Так оно и есть. Думаем, что, если Горбачеву удастся "достигнуть высшей власти", т. е. изменить конституцию и соединить в своих руках должность облеченного новыми полномочиями президента и генерального секретаря партии, он покажет эту власть всем народам СССР, включая и русский. Горбачев стремится к такой полноте власти, какой формально не обладал Сталин. Можно ли питать надежды, что он эту власть, — если он ее достигнет, — употребит на ликвидацию социализма? Мы весьма в этом сомневаемся. А это было бы единственным оправданием такой полноты власти. Но мы боимся гораздо худшего. Ближайшее будущее покажет. На примере армянского вопроса мы видели, каким может быть сладко улыбающийся на Западе Горбачев.

Редакция.

P. S. Руководители армянской компартии уже занялись самокритикой — те же коммунисты — и напуганное угрозами население больше не бастует.

А. ШИФРИН

ПРЕДАТЕЛЬСТВО НАШЕГО ВЕКА

Трудно удивить в наше время кого-то предательством... Но то, что раскрылось в этом году в связи с рассекречиванием в США документов периода Второй мировой войны, превзошло все предстиваемое.

В апреле-мае 1945 г. советские войска захватили — "освободили" — ряд лагерей военнопленных союзных войск в Германии и, в частности, лагерь в Люкенвальде, где было более 20 тысяч американских и примерно 10 тысяч английских и французских офицеров и солдат.

Общее количество попавших в руки советских войск иностранцев-военнослужащих составляло примерно 550 тысяч человек.

Часть из них бежала от советских, часть попала в западные госпитали, частично военнопленных передали командованию союзников.

Но 15597 американских солдат и офицеров, а также 8462 английских военнослужащих были вывезены советскими властями и исчезли в пасти концлагерей СССР...

Случилось это в мае-июне 1945 г. Советское правительство и маршал Толбухин, захвативший американцев, объявили: американско-английские военнослужащие будут возвращены только в том случае, если командование союзных войск обеспечит передачу обратно в СССР примерно двух миллионов бывших советских

граждан: антикоммунистов, бежавших на Запад...

Начался обмен паническими телеграммами: "15597 наших военнопленных в руках маршала Толбухина", — сообщает сов. секретной телеграммой на имя командующего американскими войсками Эйзенхауэра генерал Маршалл; такие же телеграммы идут на имя Белого дома, и содержание их идентично: советские не возвращают американских офицеров и солдат!

И решение было принято: американцы и англичане начали насильно выдавать в руки КГБ сотни и сотни тысяч беженцев из СССР, а во Франции было разрешено КГБ вылавливать людей...

Историк, собравший потрясающие свидетельские материалы очевидцев, граф Н. Толстой, описал эти события. Но он не знал, почему с такой жестокостью и бессердечностью американцы и англичане расправились с беззащитными беженцами от коммунизма. Его труд полон описаний самоубийств, рассказами о людях, прыгавших из охраняемых поездов, вскрывавших себе вены на глазах американцев и англичан, воспоминаниями женщин и детей, спрятавшихся в лесах от поисков союзных войск, систематически и безжалостно осуществлявших передачу жертв беспрецедентного соглашения... И все это ради соглашения о возврате союзных военнопленных, "освобожденных" от немцев и попавших в лапы советских... Ради "соглашения", которое советская власть, конечно же, не выполнила, получив в свои руки жертвы из рук союзников.

Вот из Москвы американское посольство сообщает 11.6.45 г. в Вашингтон, что "через Москву идут эшелоны арестантов, охраняемые войсками КГБ, и добраться до заключенных невозможно"...

Кто они, эти несчастные, в наглухо забитых и охраняемых "телятниках": американцы, англичане, русские?

Очевидно, там были и те и другие, так как "краснухи" шли в Сибирь, и американо-английские военнослужащие — не менее 24 тысяч! — исчезли в недрах ГУЛАГа, а сотни тысяч, вернее, до 2-х миллионов, советских граждан пополнили лагеря рабского труда. Я сам видел их там, был среди них и с недоверием слушал их рассказы о зверской передаче с Запада в руки КГБ.

И никто из нас не знал, что таким "гуманным" методом союзники, представители "демократий" США и Англии, пытались расплатиться с советскими убийцами за своих военнопленных...

А коммунисты спокойно продолжали врать союзникам. "Освобождаемые американские военнослужащие будут переданы под ваше командование через линию фронта", — пишет

генерал Голубев на имя главнокомандующего Эйзенхауэра 10 мая 1945 г.

Эйзенхауэр констатирует в телеграмме на имя генерала Маршалла 19 мая 1945 г.: "25 000 американских военнопленных еще во власти советских".

28 мая 1945 г. генерал Маршалл опять сообщает, что союзные военнопленные еще в руках советского командования.

Обмен телеграммами, рапортами, письмами... А эшелоны с захваченными людьми уже идут в Сибирь...

Весь мир празднует победу над нацистами, а в наглухо забитых телятниках увозят героев войны...

Наш Центр уже давно знает о наличии совершенно секретных лагерей для иностранцев в СССР: три лагеря в Заполярье, на о. Врангеля, и пять лагерей в Забайкалье, за Читой, в районах, граничащих с Китаем. Но могло ли нам прийти в голову, что там сидят и американцы, и англичане? Советские убийцы умеют хранить секреты.

Ведь никто с Запада нас не информировал об этом страшном преступлении — вывозе тысяч иностранцев в 1945 году: государственный секрет...

Наш Центр установил факт пребывания в 1972 году в советских лагеря похищенного из Будапешта в 1945 году шведского дипломата Рауля Валленберга, спасавшего евреев от гитлеровцев, и мы были поражены тем, что весь мир так легко и безропотно примирился с фактом похищения и нахождения этого безвинного героя в советских застенках: ни Швеция, ни США не протестовали против этого и приняли советскую ложь, утверждавшую, что Рауль Валленберг никогда в СССР не был вывезен; а потом, когда СССР признал факт его ареста и официально сообщил о смерти Валленберга в тюрьме на Лубянке в Москве, происшедшей, якобы, в 1947 году, то и с этим легко примирились.

Найденные нами свидетели, видевшие Валленберга в лагерях и тюрьмах СССР в период с 1957 по 1980 годы — то есть после его объявленной "смерти", оказались сенсационной неожиданностью: "Значит, советские солгалы?" — спрашивали журналисты всего мира. А потом из рассекреченных документов Швеции стало известно, что в архивах Швеции и раньше были подобные свидетельские показания, но о них умалчивали. А когда советская власть и коммунисты не лгали? Их союз с гитлеровцами под крики о "защите демократии", их оккупация Латвии, Литвы, Эстонии, Молдавии, Болгарии, Румынии, Чехословакии, Монголии, половины Польши, половины Германии, Кубы, половины Сахалина, Курильских островов и крики о защите национально-освободительных движений; их вопли о "борьбе за мир" и

разжигание войн в Корее, Вьетнаме, Никарагуа, Анголе, Сальвадоре, Южной Африке, Эфиопии, Афганистане...

Перечень акций лжи и поддельных документов, опубликованных КГБ, мог бы составить сотни страниц.

Теперь нас не удивляет трагическая судьба Рауля Валленберга: если США и Европа могли промолчать в ответ на похищение советскими властями 24000 американских и английских военнослужащих, героев войны, людей, ни в чем не повинных перед коммунизмом, то что значит для западных "защитников демократии" судьба одного Рауля Валленберга, защищавшего евреев?..

Эта цифра — 24000 похищенных и попавших в советские секретные лагеря, где, по имеющимся сведениям, ведутся медицинские эксперименты на людях, — далеко не полна: бывший посол США в СССР Ч. Болен, выступая в комиссии по иностранным делам Сената США в 1953 году, утверждал, что "более 60000 американских военнослужащих были в руках советских властей в 1945 г." Таким образом, мы и до сих пор точно не

знаем, сколько американцев сидит в советских лагерях.

Ужас и трагедия того, о чем я пишу сегодня, еще страшнее оттого, что рассекречивание документов о похищении многих тысяч граждан свободного мира и исчезновение в аду советского ГУЛАГа не вызвали бури в США и в Европе: пока что было лишь несколько небольших статей в газетах, а ведь факт этот известен уже с осени 1987 г.

Поневоле хочется спросить у политиков моей страны, у граждан моей страны и у граждан всех, пока еще свободных стран мира: как можем мы доверять таким союзникам, как США и Европа, если они предали на медленную смерть своих собственных сограждан? Что можем мы ждать от них? Ведь и сегодня наивные политики США и Европы доверяют советским "дипломатам" и подписывают с ними "соглашения", которые, опять-таки, будут ли выполнены?

Поневоле вспоминается пророческое предупреждение Библии: "не опирайтесь на трость надломленную"...

В. ПИРОЖКОВА

ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Воспоминания о детстве и юности
(Продолжение. Нач. в №49)

Мать

Моя мать была дочерью железнодорожника и провела часть своего детства в Польше, где ее отец был сначала помощником, а потом начальником разных станций. Насколько мало было в семье предрешений, видно из того, что в числе друзей семьи были и поляки, и евреи, и украинцы, а если поблизости не было православной церкви, то семья ездил на богослужение в униатскую.

Когда старшие дети стали подрастать, дедушка попросил перевести его в город, где есть гимназии. Он получил назначение в Двинск. Моя мать была старшим ребенком в семье, для нее и на два года младшего ее брата их отец взял гувернантку, которая подготовила их к поступлению в один из старших классов гимназии. Моя мать выдержала экзамены и поступила сразу в 5-й класс Двинской женской гимназии. Через год дедушку перевели в Псков, который был тогда большой узловой станцией. Мама закончила псковскую гимназию и уже в последнем, восьмом, классе стала невестой. Вышла она замуж за молодого петербургского чиновника по железнодорожному ведомству, приезжавшего с инспекцией в Псков и влюбившегося в мою мать.

С ним она уехала в Петербург. Когда

началась русско-японская война, ее муж был призван как офицер запаса и пал на войне. Моя мать осталась вдовой в 24 года и с пятью детьми. Пенсию она получила за мужа небольшую, т.к. он был еще очень молод, когда погиб, и моя мать с детьми уехала обратно в Псков, где жизнь была дешевле. Им помогали родители ее покойного мужа, дворяне, имевшие небольшое состояние.

Все же жить приходилось скромно — по тем понятиям! Мать имела не только прислугу, но и бонну для детей. Моя мать, дожившая до 81 года, всегда почему-то боялась рано умереть и оставить детей круглыми сиротами. Поэтому она воспользовалась привилегиями, полагавшимися детям офицера, павшего на войне. Обеих дочерей она поместила бесплатно в петербургский Николаевский институт. Этот институт не только давал образование, но, в случае полного сиротства, заботился о молодых девушках после окончания ими института. Для тех, кто уже имел жениха, делалось приданое, другим устраивалось место гувернантки или домашней учительницы. На старшей из моих сестер этот отрыв от семьи и интернатское воспитание плохо не отразились, но младшую отдали в интернат в возрасте 6 лет, тогда как она по натуре была склонна к меланхолии и была чрезвычайно привязана к семье. На нее этот насильственный ранний

отрыв от семьи наложил тяжелый отпечаток. Мой отец, особенно любивший своих младших пасынка и падчерицу, часто говорил, что он бы этого не допустил, если б уже был мужем моей матери. Но я ни в коем случае не делаю упрека матери. Она действовала так не по легкомыслию, а из заботы о детях, стараясь обеспечить их на случай собственной ранней смерти.

Среднего из трех сыновей она отдала, пользуясь аналогичной привилегией, в кадетское училище. Но оно было в Пскове, так что мальчик мог каждое воскресенье проводить в семье. Только старший сын Алексей жил дома и учился в Псковском реальном училище, где преподавал математику мой отец. Младший сын Георгий умер от скарлатины, когда ему было 6 лет. Эта смерть чрезвычайно потрясла мою мать, и она так часто рассказывала обо всех ее обстоятельствах, что мне казалось, будто я сама пережила трагедию этой детской смерти. Когда моя мать забеременела пятым ребенком, она сначала испугалась. Она была еще такой молодой, и у нее было уже четверо маленьких детей. Понятно, что она устала и просто боялась новой беременности и даже не хотела этого ребенка. Но потом она любила тихого и очень ласкового мальчика больше всех своих других детей. Его скоропостижная смерть на самое Рождество обрушилась на нее как непереносимо страшный удар. Она винила себя за то, что когда-то не хотела этого ребенка, и твердила, что сама больше не хочет жить. Произошло это за два года до ее знакомства с моим отцом.

Мой отец окончил Петербургский университет в 1903 году. Первое назначение он получил в гимназию в Кишиневе. Он приехал туда, походил по улицам, пыльно, жарко. Бессарабия ему не понравилась. Он сел в поезд, вернулся в Петербург, пошел в министерство просвещения и сказал, что Кишинев ему не нравится. И такие тогда были либеральные времена, что 24-летнего еще только предполагаемого преподавателя даже не упрекнули, а предложили ему место в женской гимназии в Новгороде.

В новгородской гимназии атмосфера была не особенно приятная. Не все преподаватели в достаточной степени презирали блага земные, и дочери богатых купцов получали нередко отметки, не соответствовавшие их знаниям. Мой отец, конечно, сейчас же восстал против этого. Ему помогал тоже новый и тоже молодой учитель словесности. Им удалось значительно улучшить атмосферу этой гимназии, но, видимо, мой отец был тогда еще слишком молод для настоящей выдержки, хотя в то время ему не грозило и тени того, что грозило за стойкость при советской

власти. Так или иначе, через два года он снова попросил предоставить ему другое место, и его снова без лишних разговоров направили в псковское реальное училище. В Пскове ему понравилось, и он постепенно поднял преподавание математики на такую высоту, что в Петербурге, в высших технических заведениях, где поступающие должны были держать вступительный экзамен, экзаменаторы говорили кандидату: "Из Псковского реального училища? По математике выдержит, экзамен будет только для формы."

Моему отцу, вероятно, было суждено дружить с учителями словесности, и в Пскове он был особенно близок с этим коллегой, который и сыграл роль судьбы, познакомив его с моей матерью.

Мои родители венчались в 1912 году. Они были однолетки, и мой отец принял четырех детей: Алексея, Татьяну, Илью и Елену. Все они его сразу же начали называть "папой" (своего родного отца они и не помнили, разве что старшие смутно, очень уж они были маленькие, когда он уехал на войну и погиб), любили моего отца, и он всегда считал их своими.

Свадебное путешествие мои родители предприняли на пароходе по Волге. И в следующий год мой отец успел свозить мою мать в Крым. Он очень любил путешествовать. До женитьбы он сумел объехать Германию, Швейцарию и Францию. Он часто рассказывал, как в Париже один кюре спросил его: "А кто быстрее бегает, лошадь или медведь?" Мой отец ответил: "Я не знаю, я не охотник и никогда такими вопросами не интересовался". У кюре расширились глаза: "Т.е. как? Ведь у вас, в России, запрягают в коляски медведей и ездят на них!" Это не анекдот о "развесистой клюкве". У моего отца был действительно такой разговор.

Кроме того, мой отец сделал замечательное путешествие на Алтай, вместе с проводником подымался в горы на небольшой горной лошадке верхом, видел Байкальское озеро.

Он часто жалел, что отклонил предложение преподавать полгода математику кадетам моряков во время их учебного путешествия из Петербурга вокруг Мыса Доброй Надежды в Японию со многими остановками по дороге. Но для этого ему пришлось бы просить заменить его в конце одного и в начале другого учебного года. Конечно, это можно было устроить, стоит ли повторять, что времена были либеральные, но мой отец только что начал преподавать в Пскове и считал неудобным сразу же просить о таком одолжении, думая, что аналогичная возможность представится потом не один раз. Но никаких возможностей потом уже не было...

Одно время мой отец преподавал по совместительству в кадетском корпусе, так

что оба его пасынка были и его учениками, старший — в реальном училище, а второй — в кадетском корпусе.

Война на жизнь семьи особенно не повлияла. Отец, как уже упоминалось, призван в армию не был, сыновья были еще подростками и призыву не подлежали. Трудностей с продовольствием в Пскове не было. Небольшой старинный город с 40 тысячами населения был окружен деревьями и утопал в садах. Никогда в своей жизни и нигде я не видела такого богатства яблок, как в Пскове во время своего детства, когда еще не все сады были уничтожены. Они умирали на глазах, но в годы моего детства еще существовали. От китайских и райских (первые — продолговатые, вторые — круглые) малюсеньких яблочек, из которых варили варенье, до огромного апорта и немного меньшей по размеру очень распространенной антоновки, от раннего желтого и кисловатого белого налива до краснощекой и сладкой малиновки, каких только не было яблок! Много было и ягод, лесной земляники, клубники, малины, черной и красной смородины, росли и вишни, но для черешен было слишком холодно, также и для хороших груш, груши были, но твердые и мало вкусные. До революции было, конечно, множество привозных фруктов.

Беда пришла с революцией. Тот коллега отца, преподаватель словесности, о котором я уже упоминала, своевременно бежал. Он говорил моим родителям: "Вы не знаете, перед чем мы стоим". Мой отец часто вспоминал его слова. Хотя мои родители сразу же не приняли большевиков, но легкомысленно надеялись на победу Белой армии, не предпринимая ничего для бегства в случае дурного исхода. Моему брату-кадету Илюше было 15 лет, когда началась гражданская война. Родители не хотели пускать его в армию по молодости, но он ушел тайком, честь будущего офицера не позволяла ему оставаться вне борьбы. Он присоединился к армии Юденича. Сколько таких мальчиков беззаветно отдали свою жизнь в борьбе с надвигавшимся на Россию ужасом, а как много взрослых офицеров отсиживалось дома или даже пропивало собранные на борьбу деньги! Разложение все же зашло далеко. Но Белая армия сделала, что могла, и хорошо, что теперь среди молодежи в стране растет иное, положительное к ней отношение.

Моя мать мне часто рассказывала, как сжалось у них сердце, когда в Пскове раздался протяжный гудок, которым Юденич обещал предупредить псковичей, если их армия будет уходить. Мои родители до последнего момента надеялись, что Белая армия удержится... Они сами не знали, как объяснить, что они не бежали. Они просто

растерялись. Бежало все же 15 тысяч псковичей из 40 тыс. тогдашнего населения. Но у моих родителей ничего не было приготовлено, а было все же трое детей-подростков. Так они остались, но мой отец решил пройти немного с отступавшей армией Юденича, чтобы попробовать разыскать Илюшу. Мои родители думали, что если мальчика удастся привести домой и скоро переодеть в штатское, то, может быть, никто не вспомнит о его пребывании в Белой армии.

Мой отец Илюшу не нашел. Армия отступала неудержимо. Когда она подошла к эстонской границе, моему отцу стало ясно, что он должен выбирать: бежит ли он один за границу, тогда уж навсегда, или попробует вернуться к семье. Жив ли вообще Илюша или пал в одном из последних боев, он не знал, а дома оставалась мама с тремя детьми. Он решил остаться. В Гдове он переждал занятия города красными. Однако возвращаться в Псков оказалось невозможно. Всюду были облавы, и пропускали только тех, у кого были пропуска от новых властей. Мой отец решил идти в логовище зверя и пошел к комиссару. Тот спросил его, зачем ему нужно в Псков. Отец ответил, что живет там. "А как же вы очутились в Гдове?" — "Бежал с Белой армией, — ответил отец, — но потом передумал и остался". Комиссар посмотрел на него тяжелым взглядом и, помолчав, сказал: "Хорошо сделали". И на красных произвел впечатление массовый исход псковских жителей. "Прийдите через несколько дней". Но мой отец уцепился за край стола и сказал: "Я не выйду из комнаты, пока вы не дадите мне пропуска". Комиссар снова пристально на него посмотрел, затем молча взял бланк и написал пропуск.

Мой отец шел пешком, ночевал у крестьян и тяжело раздумывал. Хотя он с самого начала относился к большевикам крайне отрицательно, но что это за ужас, открывалось и ему лишь постепенно. Понимая все глубже, в какую пропасть катилась Россия, он спрашивал себя, поможет или повредит он семье своим возвращением. Сомнения, не подвергнет ли он свою семью гонениям, если его арестуют за то, что он пробовал бежать с белыми, мучили его все сильнее. И вот в одну из ночевок он видел сон: он стоял на зеленой лужайке, над ним голубой купол неба. Вдруг с неба спустился сверток белой бумаги, который постепенно начал разворачиваться. На нем было написано золотыми буквами: "Иди. Благославляю". Уход моего отца с армией Юденича и его возвращение никогда не всплыли. Это было как бы вырванное из цепи событий звено. Моего отца в 1924 г. арестовали по ложному доносу, что он был эсером. Он никогда не принадле-

жал ни к какой партии, а эсеры и другие социалисты его симпатией никак не пользовались, но в месяцы между февралем и октябрём 1917 года он иногда ходил на открытые собрания разных партий, чтобы послушать, что они говорят. Кто-нибудь видел его, вероятно, на одном из собраний эсеров. Но в те времена еще попадались следователи, которые хотели разыскать правду, и он увидел, что принадлежность моего отца к партии эсеров не подтверждается. Один момент был очень опасным. В эти месяцы, когда угроза захвата власти большевиками все росла, возник какой-то "Союз спасения России от большевиков", который, увы, России не спас. Но мой отец тогда к нему присоединился. При обыске у него было забрано много бумаг, в том числе и забытая им листовка этого союза. Когда следователь ее вытащил, мой отец похолодел. К его счастью там стояло только "Союз спасения России", но не стояло от кого. "Это что же за Союз спасения России? — нахмурился следователь. Но тут же "догадался": — А, вероятно, от Корнилова!" Мой отец, так ненавидевший всякую ложь, на этот раз сказал "Да". Его выпустили через несколько недель заключения.

Мой старший брат уехал в Петроград и поступил в институт инженеров путей сообщения. Жить было трудно, голодно. Мой отец не мог помогать. Чтобы прокормить семью, он наряду с преподаванием в новой школе и техникуме давал частные уроки математики до 12 ночи и иногда засыпал от усталости во время урока. За урок платили полфунта хлеба. Незадолго до моего рождения отец ездил в Петроград и там узнал трагическую новость. Илюша не пал на поле брани, ушел в Прибалтику и пробрался к знакомым латышам. Эта семья жила до революции в Пскове, сыновья учились в реальном училище, были учениками моего отца и товарищами старшего брата, знали и младшего, т.к. бывали в доме моих родителей. Когда произошла революция, они вернулись в Латвию, где у них было имение и небольшое состояние. Они приняли Илюшу, но оставили его и на зиму в имении, тогда как сами уехали учиться дальше в Ригу. Илюша заболел паратифом и после этого у него, как это часто бывает, было подавленное психическое настроение. В день своего рождения, когда ему исполнилось 17 лет, он застрелился. Окружными путями эти латыши (не помню их фамилии) сумели передать это известие старшему брату Леше в Петроград. Брат и отец договорились пока скрывать это от мамы, чтобы шок не погубил мать и ребенка (мама ожидала тогда меня). Но мама говори-

ла, что сразу заметила расстроенное лицо отца и расспрашивала его, что случилось, но он отвечал лишь, что Петроград стал печальным, грязным и запущенным.

В 1944 г., когда мы бежали на Запад через Ригу, мы встретили двух из трех братьев этой латышской семьи. Старший, Вернер, был арестован и увезен большевиками. Уцелевшие старались помочь нам, чем могли, особенно их жены, которые знали трагическую историю Илюши от своих мужей, но сами к ней причастия не имели. Они тогда были подростками и вряд ли были даже знакомы со своими будущими мужьями. Мои родители их, конечно, ни в чем не упрекали. Как знать, где и какая была вина? И не было ли вины и на моих родителях, не сумевших воспитать сына настолько верующим, чтобы самоубийство для него не было возможным?

Что было бы с Илюшей, если б он остался жив? Сначала он, конечно, выбился бы. В Прибалтике жило много русских эмигрантов, хуже или лучше, но он бы устроился. Но что было бы с ним в 1940—41 гг.? Сумел ли бы он вовремя уехать перед вступлением в Латвию советских войск? Немцы, вывозившие из Прибалтики балтийских немцев, брали часто и русских, не требуя доказательств для какой-нибудь выдуманной немецкой бабушки. Но многие русские остались и... погибли. Арестованных везли по страшной жаре лета 1941 г. в товарных вагонах без воды через Псков. Уже в Риге мне рассказала одна псковская молодая эстонка, тоже беженка, что она тогда раз шла через рельсы за молоком (за вокзалом были уже полусельские домики и многие держали коров), когда вдруг из стоявших товарных вагонов, на которые она сначала не обратила и внимания, раздался стон и по-эстонски "Воды, ради Бога, воды". Она побежала с пустым бидоном к крану, набрала воды, подошла к вагону и хотела подать через высокое подслеповатое окошечко. Но в этот момент как из-под земли около нее вырос энкаведист и зарычал: "Что вы делаете? Сами туда захотели?" У нее бидон выпал из рук. Так и остались эти несчастные люди без капли воды под жарким солнцем. Массовый вывоз арестованных из Прибалтики начался 14 июня 1941 г., поэтому многих на их счастье не успели вывезти до начала войны. Но если б Илюше удалось пережить, он через 25 лет встретил бы свою мать, отца, которого он любил и который его любил, и новую сестру. Но пережил ли бы он? Не стоит гадать об этом. Оставалось только посетить его могилу, на которую сводили эти самые знакомые латыши.

(Продолжение следует)

В. РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Континент" № 55. Начнем с конца — с интервью с председателем итальянской радикальной партии Марко Паннеллой. Он, оказывается, сочувствует советским диссидентам и готов им содействовать. Оно и прекрасно. Но дальше мы узнаем, что главная цель его организации — добиться в Италии полной свободы разводов и абортот. Что уже куда менее симпатично. А он еще прибавляет, что, вместе со своими соратниками, защищает **сексуальные меньшинства** и что им удалось провести в члены парламента **актрису порнографического кино Чиччолину**. Тут уж мы приходим к заключению: пожелаем "Континенту" успеха с такими друзьями и союзниками; а мы себе подобных не хотим!

Большая и обстоятельная статья Л. Наврозова "Писатель как агент-provokator всесильной партии" есть единственно интересная и значительная в номере. Автор ее считает **перестройку** за камуфляж, предназначенный скрывать от Запада стремительное усиление вооружений Советского Союза. В. Ерофеев, под заглавием "Моя маленькая лениниана", подбирает кровавадные и бесчеловечные распоряжения Ильича, вызывающие дрожь отвращения. Впрочем, для нас в них ничего нового нет.

В отделе беллетристики рассказ В. Кривулина "Родословная" сумбурен (герой действует словно во сне, сам себя не понимая) и обрывается на середине событий, без развязки и разъяснений; причем, все чаще практикуемый 3-й волной и ее единомышленниками в СССР, но не заслуживающий поощрения. "Шапка" В. Войновича сатирически изображает нравы Союза советских писателей, высмеивая, возможно, конкретные лица (но мы их разгадать не в силах). В художественном отношении, о данной повести подобает сказать, по формуле одного из ее персонажей, что она Л. Ц. Н. П., то есть "литературной ценности не представляет". О стихах даже и говорить не хочется! Если то, что тут имеется, можно называть стихами.

"Синтаксис" № 20. И тут — главное в конце! А именно — похабные, грязные до предельной нечистоплотности анекдотцы про Пушкина. Поучительный путь проделал А. Синявский. Когда он начинал свою анти-пушкинскую кампанию, — его поддерживали и "Русская Мысль" под эгидой З. Шаховской, и некоторые иностранные слависты (*popina sunt odiosa*), и кое-кто из покойных уже ныне эмигрантских литературоведов. Кто из них унизились бы теперь до участия в творимых им шутовских выходках?! Но, пожалуй, иначе и быть не могло. Не сопутствуемый больше никем, боец за бессмысленное

дело, впадая все в худшее озлобление, сам себя превращает в фигуру смешную и без малого — нерукопожатную.

Из остального здесь упомянем эссе П. Вайля и А. Гениса об Э. Лимонове "В Москву!" Сродство душ, сходство во психике позволило на сей раз нью-йоркским фельетонистам многое верно понять в предмете их исследования: "Лимонов — неинтеллигентный писатель" — констатируют они. И дальше: "Пошлость? Несомненно. Но современная культура редко бывает разборчивой. В мире, где столицы призрачны, как град Китеж, воцаряются провинциальные вкусы, от которых всегда немножко отдают парикмахерским шиком. Между прочим, когда провинциальные музыканты из английского Харькова, — Ливерпуля, — добились первого финансового успеха, они решили купить как раз парикмахерскую".

Странно выделяется статья, — опять о Пушкине, — И. Ефимова "Свободы сеятель пустынный", серьезная, с изрядным числом умных мыслей и справедливых оценок. В **таком** соседстве, на фоне окружающего, — она выглядит поразительно не на своем месте.

"Время и Мы" № 98. Две особенности нас поражают в эссе Е. Эткинда "Наши и чужие берега". В отношении содержания (воспользуемся советским оборотом, ибо он тут кстати) — низкопоклонство автора перед литературной продукцией Соединенных Штатов: он твердо убежден, что русская, прежняя и теперешняя, оной и в подметки не годится. Тая от восторга, производит он, точно магические заклинания, благозвучные в его ушах имена: ах, Джефферс! о, Гинсберг! а, Джаррелл... Нас эти авторитеты, признаться, ничуть не впечатляют. Что до формы, у г-на Эткинда налицо своеобразный трюк: он цитирует мысли умных людей, вполне трезвые и дельные, а потом с хихиканьем подмигивает читателю: "Эк сморозил! Вот ведь ахинея!" Мы и готовы смеяться; только не по тому вовсе адресу.

Прочитав записки Дж. Теннера, Пушкин с грустью констатировал: "Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно исчезнут". Так и вышло (хотя, слава Богу, не буквально все же!); от когда-то многочисленных и могучих индейских племен уцелела горсточка, запертая в разъединенных резервациях. Поэт предугадал верно. Но Эткинд претендует его опровергнуть и сообщает нам, что вот Лонгфелло сочинил "Песню о Гайявате"! Поистине: "В огороде бузина, а в Киеве дядька"! Нашелся белый американец, — да были и иные, включая Дж. Ф. Купера и Т. Майн-Рида, — который вдохновился тузем-

ным фольклором, увлекся нравами и культурой исконных жителей захваченной его соотечественниками огромной страны. Так разве это сочувствие помогло аборигенам лесов и прерий Нового Света? Не слишком, во всяком случае.

Посетив США в 1923 г., С. Есенин с удивительной меткостью сформулировал свои заключения о **Железном Миргороде**: "Американцы — народ весьма примитивный со стороны внутренней культуры. Владычество доллара съело в них все стремления к каким-либо сложным вопросам. Искусство Америки на самой низшей степени развития". Эткиннд негодует: Что за наглость! В его глазах, несомненно, критиковать Америку есть святотатство. Ну, касательно бутады Маяковского, что "он бы лично Америку закрыл", — ограничимся замечанием, что тут он сошелся со столь на него непохожим вообще-то Гумилевым, вздохнувшим тоже:

Зачем Колумб Америку открыл?

Вовсе напрасно Эткиннд ставит себя выше своих предшественников и считает **свое** мнение более веским. Разница у него с ними в том, что они-то мыслили самостоятельно, не пребывая ни в духовной, ни в материальной зависимости от Соединенных Штатов. В виде же опоры для себя, третьеволновый эксперт по литературным делам только и умеет привести высказывание Блока, тоже молившегося на заокеанский технический прогресс; но Александр Александрович, всем известно, был великий путаник.

Специально возмутительным мы находим следующий пассаж, вставленный в поток неумеренных восхвалений В. Набокову: "Сам он писал, ссылаясь на негативный пример Дж. Конрада, который не оставил следа в польской литературе, а "на избранном языке" — английском — пользовался готовыми формулами". Желая воткнуть гвоздь покрепче, критик воспроизводит далее и подлинные слова своего кумира, которому, мол, "долглетняя привычка выражаться по-своему не позволяла довольствоваться на новоизбранном языке трафаретами (как это делал Дж. Конрад, — Е. Э.)".

Приходится предположить, что Е. Э. не читал Конрада ни в оригинале, ни даже в переводе. Глубокое своеобразие стиля этого последнего, в котором исследователи обнаруживают влияние родного писателю польского языка и знакомого ему с детства французского, кидается в глаза в любом из его произведений, без преувеличения, — на каждой странице. Историк английского романа В. Аллен называет его наследником Г. Джемса и говорит о нем: "A master of our prose, comparable in felicity of language and of eloquence with de Quincey and Puskin" ("The English Novel", Penguin Books, 1965). Другой

британский специалист, И. Эванс, тоже сравнивает Конрада как стилиста с Г. Джемсом и, кроме того, с Флобером, и подчеркивает, что он творил "in an English that was elaborate and strongly rhythmic... using a rich and colourful vocabulary" ("A Short History of English Literature", Penguin Books, 1963). Сошлемся на еще одного англичанина, С. Москропа, который (в предисловии к сборнику рассказов Конрада) высказывается так: "Coming as a stranger to our speech he was able to introduce into it a freshness of style and novel rhythms of foreign languages, especially French".

Мы нарочно привели, притом в подлиннике, все эти определения настоящих исследователей в области английской словесности, рассуждающих здесь о своем родном языке. Нетрудно было бы процитировать в изобилии и еще более лестные отзывы компетентных ценителей о польском шляхтиче Теодоре Юзефе Конраде Корженевском, избравшем карьеру моряка, сперва во французском, а позже в английском торговом флоте, и начавшем изучать язык Шекспира в возрасте 23 лет.

Неужели следует предпочесть им личный вкус самоуверенного г-на Эткиннда или злые ревнивые инвективы Набокова и одобрить их покушение **поколебать треножник**, воздвигнутый в память Конрада? Пером автора "Лолиты" явно водила зависть; та же, что помешала ему, например, признать талант Солженицына. По справедливому счету, — ему самому до Конрада далеко: тот есть установленный английский классик; а как решит потомство о Набокове, — это еще, как говорится, будем посмотреть.

Отчего Конрад в печати не употреблял родной речи, — хотя иногда писал о Польше, — представляет собою загадку, над коей историки литературы ломают голову. Он, однако, красочно описывал по-польски свои приключения на море, в письмах к дяде, Т. Бобровскому, который его безуспешно уговаривал что-нибудь опубликовать в польской прессе.

Отметим, напоследок, еще одну курьезную деталь в разбираемой статье: графиню де Сегюр Ростопчину Эткиннд почему-то именуется "г-жа де Сегюр", отказывая ей в титуле, на какой она имела двойное право: по рождению и по замужеству. Что это: утрированный **демократизм**?

"Время и Мы" часто и настойчиво повторяет, что, мол, профессор Эткиннд есть **серьезный ученый**. Право, мы бы его охарактеризовали как **несерьезного ученого!** О чем он ни заговори — о Пушкине, о Волошине, — на каждом шагу возникают нелепые ляпсусы (кое-что из них мы указывали в прежних обзорах; и он не пробовал возражать); даже иностранные цитаты (латинские, французские) полны ошибок. И притом: вот он член

редакции в упомянутом журнале. Что же он, и впрямь думает, будто С. де Бовуар была "еврейкой, воспитанной в иудейской религии"? А он не помешал такое напечатать, и не опроверг, хотя бы *post factum*... Мелочи? Не столь уж маленькие; да и, для **настоящего** ученого, мелочи как раз имеют свое и немалое значение.

Насчет перепечатанной в этом же номере старой статьи Н. Бердяева против антисемитизма, заметим, что мы согласны с ее тезисами, но отнюдь не с аргументацией, часто хромающей. И что авторитетность Бердяева в целом для нас под большим вопросом, поскольку он, в конце жизни, стал ведь пламенным советским патриотом. Мудрость, дающая **такие** плоды, — не суетна ли?

Еще более удивляет нас воспроизведение статьи некоего Н. Борисова, взятой из парижской газеты "Русский Патриот" (позднее сменившей название на "Советский Гражданин"), опубликованной в 1944 г. Для информации? Вяжных комментариев "Время и Мы" не дают... А ведь это — голос врага, лживый и мерзкий во всех отношениях! И ведь СССР, куда звали нас возвращаться совпатриоты, был тогда под властью Сталина, — о которой сегодня даже советская печать вспоминает с дрожью ужаса! И самим тем изменникам, из числа белых эмигрантов, кто действительно туда отправился, там солоно пришлось. Зачем же их музыкой вновь терзать наши уши?

Что до беллетристики, — она беспросветно плоха (не только в данном номере; вообще). Слегка лучше прочего рассказ Л. Райз "Отправь меня в Россию!"

И № 99. А. Каценелинбойген призывает Запад поддерживать Горбачева против выступлений подсоветского общественного мнения, особенно справа. Хотим надеяться, что товарищ Михаил Сергеевич будет ему благодарен! Борцы с большевизмом в России не будут; мы — тоже нет. А Запад, пожалуй, сейчас-то окажется и доволен советом; вот когда оный принесет свои закономерные плоды — иное дело. Этих оттепелей — мы их уже горами навиделись!

Е. Гессен уничтожает подсоветских писателей как Белов и Астафьев. Напомним, между прочим, что некогда А. Солженицын назвал именно их имена в качестве самых выдающихся и подающих наиболее серьезные надежды в подъяремной русской литературе. С любовью и доверием многократно упоминается здесь зато Е. Лосото, — к которой мы еще вернемся.

Присоединимся ко мнению Л. Наврозова, в эссе под многозначительным заглавием "Запад выходит напрямую к гибели": "Вот только мне лично неизвестна ни одна строка ни одного современного американского поэта,

которую стоило бы читать". Однако, что скажет о подобных словах Е. Г. Эткинд? Подумать страшно! Согласимся и с характеристикой, данной З. Бжезинскому: "Умственные способности у Бжезинского достаточны для производства бочек установленного образца или даже для заучивания отдельных фраз наизусть. Но в области советологии или стратегии Бжезинский, как и сотни тысяч других докторов философии, не имеет никаких способностей". В целом, разоружение США перед лицом СССР, описываемое Наврозовым, есть бесспорный и грустный факт.

В. Шляпентох проводит параллель между истреблением евреев Гитлером и **большим террором** в России; полагаем, неоправданную. Сходство только внешнее; а эссенциально — лишь в том, что обе акции были чудовищными и преступными. Разница же очевидна. В Германии чистокровный немец мог ничего не бояться по линии расовых преследований: в лагерь для уничтожения его бы никогда не посадили. Напротив, еврей имел причину ждать гибели, если не находил способа из страны бежать. В СССР же, особенно в период ежовщины, **никто** не был гарантирован: рабочий, колхозник, интеллигент, партийный сановник, — любой мог завтра стать зэком в Гулаге.

"СССР: Внутренние Противоречия" № 20. Неистово атакуя объединение "Память", Л. Алексеева черпает информацию и находит эмоциональную опору в статьях сотрудницы "Комсомольской Правды" Е. Лосото (которую, по рассеянности, называет всюду **Лесото**). А что та из себя представляет? Прибегнем к характеристике оной в очерках А. Нуйкина в "Новом Мире". Она оттуда предстает как недобитая сталинистка, истерически призывающая "тащить и не пущать", яростная противница даже умеренной горбачевской перестройки и совершенно остервенелая атеистка. Поздравляем г-жу Алексееву! Скажи мне, кто твои друзья, и я тебе скажу, кто ты...

Р. Медведев, разбирая культурные движения наших дней в Советском Союзе, несколько более осторожен. Однако, когда он доходит до "Памяти", то сразу теряет меру тоже, приписывая ей одновременно **сталинизм** и **расизм**. Как же бы это примирить с требованиями восстановления церкви и памятников, разрушенных по приказу Сталина? С требованиями вернуть городам и улицам их имена, переделанные при Сталине? С разоблачениями раскулачивания, террора, зверств, совершенных сталинскими приспешниками, — и затронувших отнюдь не одних великороссов? Вроде бы концы с концами не сходятся у Медведева никак. Но очень уж хочется левому публицисту приклеить русским патриотам удобный ярлык **национал-большевиков!** Который, по сути дела,

ничего и не объясняет.

“Страна и Мир” № 1 (43). Казалось бы, мы все должны желать примирения между христианами и иудеями и уж, по меньшей мере, — прекращения между ними острой враждебности. Путь к чему лежит, разумеется, через создание атмосферы взаимных уважения и терпимости. Однако находятся люди, которым это не улыбается. Например, С. Лезов и Х. Маккоби. Претендуя выступать от лица евреев в целом, они грубо нападают сперва на католическую Церковь, а потом — на Новый Завет вообще, оскорбляя теперь уже всех верующих во Христа. Не хотим повторять изрыгаемые ими пакости; их и читать-то грех, а воспроизводить в печати было бы преступлением. Неоспоримо, во всяком случае, что авторы стараются изо всех сил загнать клин между евреями и христианским миром в его совокупности.

На одной стороне их обвинений стоит все же остановиться. Их приводит в бешенство, что мы, христиане (как, впрочем, и мусульмане тоже), **украли** у евреев их предания, присвоили себе Библию. Если допустить, что Ветхий Завет есть божественное откровение человечеству, святая и непреложная истина, — то мыслимо ли сердиться на нас за то, что мы ее признаем?! Или, выражаясь осторожнее: если гг. Лезов и Маккоби сами верят в правдивость библейских сказаний, — почему они недовольны, что мы с ними сходимся? Ответ только один и возможен: они-то сами ни во что не верят и суть атеисты либо агностики. Вот с позиций бездуховного национализма они и чувствуют себя вправе яриться на иные народы за плагиат-де с еврейских древних книг. Хотя даже и это не вполне резонно. Легенды, скажем, о потопе, существуют, не говоря уже об эллинах, у индейцев и у полинезийцев. Не разумнее ли в них видеть память о первых днях человеческого рода, чем заимствование из еврейского эпоса?

Статья Б. Парамонова “Пантеон” построена на в сущности дешевом и далеко не новом приеме (мастером в нем был С. Рафальский): швырять русской эмиграции в лицо обидные и неприятные сентенции (а что и несправедливые, — роли не играет!) Вроде, скажем, того, что, мол, эмиграция брюзжит и критикует Запад потому, что не умеет на нем хорошо материально устроиться. Ну, эту истину легко бы и наизнанку вывернуть: не оттого ли вполне квалифицированная русская интеллигенция (особенно — не техническая) не находила себе места на буржуазном Западе, что ее духовные ценности не соответствовали тому, что здесь требуется? “Бытие определяет сознание”, — рассуждает Парамонов, как и надлежит правоверному марксисту. Сия формула применима лучше всего к тем

русским, которые, работая на заводах, заражались психологиею окружающей среды и постепенно становились коммунистами. Но таких и много ли набралось? В реальности — ничтожная кучка.

Одна из вещей, в которые Парамонов ни за что не желает верить, хотя они и налицо, — и даже, словами Маяковского, **весомо, грубо, зримо**, — это идущее в СССР религиозное и национальное Возрождение.

Так что ж, что ты Честон!

Хоть знаю, да не верю.

Бог с ним; как говорится: “Факты — упрямая вещь!” (et ego in Arcadia...). А вот на его шибко умную фразу: “Не есть ли характерный признак **истинной веры** (без кавычек) не столько рвение и прозелитизм сколько скепсис и терпимость?”, мы не колеблясь ответим: отнюдь нет! На скепсисе и терпимости (имеющей в контексте смысл **безразличия**) далеко не уедешь. Апостолы любой идеи делаются из иного материала.

И № 2(44). Е. Эткиндр приравнивает Солженицына к Маяковскому и называет **сеятелем ненависти**. Когда у Эткиндр были неприятности в советской России, Солженицын его горячо защищал. Но, очевидно, Ефима Григорьевича чувство благодарности не обременяет. Восторги же его по поводу того, что кое-кого из давно покойных писателей-эмигрантов, или замолчанных прежде подсоветских, стали ныне выборочно переиздавать на родине, выглядят сильно преувеличенными.

Ф. Салказанова страстно полемизирует с А. Голаном о происхождении осетин. По сути дела, их спор представляется довольно-таки праздным. Трудно было бы отрицать, что осетины суть потомки аланов. Что же до предположения Голана, что они смешались с каким-то горным племенем (или даже с несколькими племенами), — и оно рисуется вполне правдоподобным; хотя его, видимо, нельзя пока ни доказать, ни опровергнуть категорически.

Любопытно исследование Ю. Дружинникова о Павлике Морозове, показывающее, как много лжиросло на этот эпизод, подлинные детали которого уже невозможно теперь и восстановить. Интересны слова, зарегистрированные автором из уст живого свидетеля: “Он был так, гнида, мелкий пакостник”.

Политическая линия журнала — целиком прогорбачевская. Что же: “Каждый идет к черту тем путем, какой сам выбирает”, согласно словам, приписываемым Т. Кромвелю, министру Генриха VIII.

“Грани” № 147. Освободившись от ига Владимова, журнал начинает вновь давать, — частично, по крайней мере, — высококачественный материал. К числу коего прежде всего отнесем превосходные отрывки из новой книги В. Солоухина “Смех за левым

плечом". Поясним: за левым плечом у каждого из нас стоит Лукавый, и смеется он нашим грехам и ошибкам. Автобиографические воспоминания писателя рисуют гибель русской деревни и многое другое, бьющее по самым основам советской идеологии. Немудрено, что и книга не могла выйти на родине, и покамест опубликована издательством "Посев".

Забавно все же: враги упрекают русских патриотов в национал-большевизме; а те разоблачают ужасы советского строя и ни слова в защиту большевизма не говорят.

С большим интересом прочли мы и очерк Ю. Первой "Алые паруса в сером тумане" о замечательном и далеко еще не оцененном по заслугам русском писателе А. С. Грине; или, точнее, об его жене, чья жизнь была тесно связана с его собственной. Мы с грустью узнаем, что Нина Николаевна Грин сделала страшную, роковую ошибку: вернулась в СССР из американской зоны Германии, куда попала в конце войны. Может быть, ее тянула могила мужа; но для его памяти она могла бы в 10 раз больше сделать, оставаясь в свободном мире. Наказание за непродуманный поступок не замедлило, в форме 10 лет концлагеря, откуда она вышла с разрушенным здоровьем. Жаль, что Ю. Перова почему-то заканчивает свое повествование на 1958 г., когда Н. Н. Грин оставалось еще 10 лет жизни.

Неожиданно хороши стихи Д. Андреева, целую подборку которых мы в данном номере находим. Прочитываем строфу из одного из них, носящего название "Западу":

Но, прожекторами залитые,
Гордо входят в ваши дворцы
От лица безмолвной России
Узурпаторы и лжецы.

"Беларускі Голас" №32. Газета мимоходом сообщает страшные новости. Австралия, в тесном сотрудничестве с СССР, Югославией и Венгрией, готовится передать сим последним 15 человек "военных преступников", а 200 еще других ожидают пока той же участи, в согласии с представленными против них материалами. Для нас, знающих большевистские методы, все понятно: страны социалистического блока истребляют своих чем-либо себя проявивших врагов за рубежом при лакейском гнусном содействии одурманенного улыбками Горбачева Запада. Сфабриковать какие угодно "доказательства", для государств, располагающих целой армией лучших в мире мастеров в области печатных, фотографических и иных прочих фальшивок, — пара пустяков. Любого они сумеют обвинить и обличить не только что в уничтожении евреев или коммунистических партизан, а даже в том, что он зарезал родную мать, изнасиловал бабушку и предал отца!

В кошмарные годы после Второй мировой войны, когда выдавали власовцев, находились все же мужественные люди, в стане левых и правых в среде русской эмиграции, и даже из иностранцев, которые поднимали голос протеста. Теперь мы тупо и безразлично молчим. Из страха? Из угодничества? А ведь часто хвалимся успехами русских за рубежом, тем, что к ним-де прислушиваются! Как не вспомнить некрасовские строки:

Бывали хуже времена,
Но не было подлей!

И если тогда европейцы и американцы ничего не понимали в советских делах, то в настоящее время, после разоблачений Солженицына, — всем ведь все известно! И тем не менее власть чекистов беспрепятственно распространяется надо всеми нами. Мы, зарубежные антикоммунисты, можем сказать Рейгану, обнимающемуся с советским генсеком, словами одного из персонажей А. К. Толстого:

Вы нашими миритесь головами!

"Форум" № 18. В передовице "Две оттепели", с подзаголовком "Етюды (sic!) на тему реформ", В. Малинкович мусолит сказку о несуществующем национал-большевизме; и вот как он определяет ведущую идею данного движения: "Восстановление преемственности истории государства Российского, государственный патриотизм, объединение всех тех, кто готов служить интересам России, независимо от идеологии и национальности". К чему он добавляет: "Вполне возможно, эта позиция сможет получить самую широкую общественную поддержку, стать наиболее популярной".

Что же, позиция сама по себе весьма разумная. При непрременном условии упразднения большевизма и замены его строем, заботящимся о национальных интересах России; большевизм для этой цели непригоден никак. Но это уже будет не национал-большевизм, а русский, вернее российский патриотизм; какового Малинкович и присные его больше всего на свете и боятся.

Шельмуя, как положено, "Память" (по принципу:

И я ее лягнул,

Пускай ослиное копыто знает!),

Малинкович называет, в качестве ее лидеров, В. Астафьева, В. Белова, Ю. Бондарева и В. Распутина, т. е. лучших и известнейших сейчас писателей советской России. Пожалуй, с такими противниками бороться окажется не слишком и легко.

Журнал почтительно цитирует позорное выступление против "Памяти" некоего В. Афанасьева на "заседании диссидентского клуба содружества наук" в СССР; а тот, опять же, ссылается на статью в "Комсомольской Правде" Е. Лосото (о коей см. выше), признавая, что сам-то ни на одном собрании "Памяти"

не присутствовал. Признание это он делает в ответ на возражение из публики: "Товарищ Афанасьев, напрасно нас, активистов "Памяти", обвиняют в антисемитизме. Это не совместимо с нашими убеждениями и противоречит христианской вере". Ах, похоже, что упоминание о христианской вере, оно-то и вызывает особое раздражение у участников **заседания!**

Все тем же задачам клеймления "Памяти" подчинено интервью с Б. Окуджавой. Остается грустное впечатление, что сей "бард" пережил свою славу, отстал от века и брюзгливо твердит устаревшие тезисы, отворачиваясь от живой реальности. Ему мнится, будто во времена хрущевской **оттепели** все было значительно — люди крупнее, идеи глубже; теперь — все не то, мошки да букашки... Как это типично для людей, вышедших в тираж, когда-то игравших важную роль, но более к тому не способных! Характерна серая монотонность его наскоков на "Память": "Я плохо знаю эту организацию... Я у них никогда не бывал..." И затем — потоки брани по адресу Солженицына, Астафьева, Белова, Бондарева, Распутина... Не в том ли уж их вина, что они оттеснили в чем-то Окуджаву, затмили чем-то прежние его успехи?

"Русская Мысль". По размерам, этой газете можно бы позавидовать. Но что до содержания... Длинно и подробно рассказывается о том, что русскому Зарубежью совсем не интересно, и чрезвычайно мало говорится о вещах для него всерьез важных и актуальных. В целом, как сказал Катулл: *Nulla in tam magno'st corpore mica salis.*

По вопросу о происходящем сейчас в СССР, парижский еженедельник решительно принял сторону левых диссидентов и занял крайне враждебную позицию в отношении русских патриотов и специально "Памяти". Что, определенно, не соответствует чувствам большинства читателей. А уж кому подобная ориентация нужна, — не будем высказывать свои предположения.

Так или иначе, наводит на размышления общий фронт, куда входит "La Pensée Russe" вместе с сепаратистским "Форумом", ультра-левым "СССР: Внутренние Противоречия" и ... "Комсомольской правдой" в Москве!

"Калифорнийский Вестник" №№ 88 и 89. Весьма прискорбно, что журнал стал рупором бредовой антинорманской теории, не имеющей ни малейших научных основ и являющейся плодом ложно понятого национализма. Откуда берется у известной категории русских людей комплекс неполноценности, толкающий их на искажение нашей истории? О которой Пушкин, свободный от болезненных фантазий, говорил, что иной и не пожелал бы... Извинительно, когда создают мифы предста-

вители национальностей, обиженных судьбой, в чем прошлом мало славных страниц; а уж нам-то, детям великого народа, ложь и выдумки совсем не к лицу! Варяги, безусловно, не были славянами и отнюдь не являлись выходцами с пиратского острова Рюгена. Насчет же их роли, с чего бы нам стыдиться, что они, призванные как вспомогательная военная сила, положили начало государству; тем более, что они быстро славянизировались и, бесспорным образом, целиком защищали в дальнейшем интересы своего нового отечества.

В очерке А. Шохина "Киберон" изумляет симпатия автора к Л. Гошу, чье имя связано с чудовищной резней сдавшихся ему под честное слово военнопленных, французских роялистов! Не освещено как бы следовало и вероломное поведение англичан, умышленно постаравшихся отделаться от обременительных для них беженцев, и заодно, на будущее, устранить лучшие кадры французских патриотов. Как это напоминает недавнюю еще высадку антикастритов на Кубе, провокаторски сорванную Соединенными Штатами! Кто сказал, будто история не повторяется?

В. Сенютювич завершает свою коротенькую заметку "Судьба монархии во Франции" выражением надежды, что Миттеран не будет переизбран в президенты. Ан, глядь, переизбрали! Но это — исключительно в силу бездарных действий "правых": выставили двух кандидатов, Ширака и Барра, вместо одного; а потом отказались вступить в блок с крайне правой, — а вернее было бы сказать, единственной подлинной правой, — группировкой Ле Пена "Национальный Фронт".

"Новое Русское Слово". Б. Филиппов совершенно прав, в статье "Хор перестройки": "Какая во всем этом зигзаге советской политики внутренняя, бьющая в глаза фальшь! Вот реабилитировали, так сказать, в прошлом году творчество Гумилева. Но этого мало: чтобы его окончательно сделать чуть ли не большевистским писателем, потребовалось реабилитировать расстрелянного в 1921 г. и юридически, и политически". И дальше он разбирает заметку некоего Г. Терехова в "Новом Мире", с утверждениями, что, мол, поэт на самом деле не участвовал в таганцевском заговоре. Мы эту заметку своевременно читали и тоже расцениваем как фальшивку. Но печально констатировать, что подобные же попытки **обелить** Гумилева нередко делаются и в Зарубежии! У большевиков-то цель ясна; а у эмигрантов — какая же?

"Наши Вести" № 409. Статья П. Терского "Противоборствующие идеологии в СССР" справедливо указывает на наличие двух противопоставленных сейчас друг другу идеологий в рядах оппозиционеров советской

власти в России, но несколько опрометчиво определяют их как западников и славянофилов. Классические западники не были ни атеистами*, ни ненавистниками русского народа в целом, даже те из них, кто выступали против правительства. К нынешним диссидентам левого толка лучше бы, пожалуй, применить термин **плюралисты**, удачно использованный Солженицыным. Их господство в России действительно явилось бы, как и считает Терской, в высшей степени нежелательным.

"22" № 57. Один из самых злокозненных врагов русского народа в современном мире, Р. Пайпс, давая интервью журналу, лицемерно претендует, что он-де, в своих русофобских высказываниях, опирается на Горького, Петра Первого, Чаадаева, Герцена и Струве. Названные лица в разное время и в разных местах говорили вовсе различные вещи; а он у них ищет и берет все то, что может нас очернить.

Психология Пайпса ясна. Он считает, что Россия — соперник Америки; а потому ее надо максимально ослабить, а самое бы лучше — и вовсе уничтожить. Возможно ли это? Ему кажется возможным — и желательным. А уж судьба и страдания как русского, так и всех других народов Российской Империи ему вполне безразлична. Добра он им не желает. Так и будем на него смотреть.

"Вече" № 29. Со страниц мюнхенского альманаха исчезли, — будем надеяться, что окончательно! — имена Н. Нефедова, О. Полякова и Т. Савченко, и с ними — мерзкие призывы к расчленению России и драчливые насмешки и нотации по адресу русских эмигрантов. *Morto è il veneno...*

Но довольно о том, чего больше нет. Займемся тем, что налицо. Ничего нельзя возразить по поводу репортажа М. Скуратова (присланного, впрочем, из России) "Облава на русских" с описанием разгона толпы, собравшейся на открытие памятника Сергию Радонежскому и запрещения установки самого памятника. Обо всем этом читаем с понятным возмущением.

В передовице "Провокации против русского возрождения" В. Симанский абсолютно

справедливо бичует поведение "Русской Мысли", пытающейся противодействовать отрезвлению народа внутри СССР и его возврату к русским национальным ценностям. В самом деле, парижская русскоязычная газета публикует раз за разом безобразные "Письма из Москвы", содержащие ядовитые выпады против православия и русского патриотизма. В одном из них В. Якубов утверждает, например, будто женщины в Москве спрашивают друг у друга: "А ты еще верующая?"; так как мол **мода** на православие прошла! Если и впрямь такие дамы существуют, — их отпадение от Церкви окажется только к лучшему: вера в Бога не то, что покрой платья. Симанский за дело называет Якубова **информатором-провокатором**, подчеркивая, что он и ему подобные ставят: "Прогнозы и оценки "направленные" как им хочется видеть течение событий, в какую сторону **направить** наметившиеся процессы".

В статье Т. Горичевой "Об истощании в русской культуре" есть верные идеи, которые, к сожалению, тонут в море претенциозных и водянистых фраз. Лучше бы автор меньше цитировал других, а глубже мыслил сам. Выпишем, однако, у нее следующие наблюдения: "**Царство неприличностей** — так называют социологи западное общество. В нем все сексуализировано: реклама, массмедиа полны бесстыдной откровенности".

Произшедшие изменения не коснулись, по счастью, наиболее талантливой и симпатичной из старых сотрудниц "Веча", В. Вулич, эссе которой в данном номере носит заглавие "Amor vincit omnia". В развернутой форме, как известно, сия цитата из "Энеиды" гласит: *Omnia vincit amor; et nos cedamus amori*. Беда лишь та, что в наш век необходимо строго разбирать: **что** и **кого** стоит любить; а всякий в этом промах оборачивается трагедией.

"Новый Журнал" № 167. Напечатано (а зря!) продолжение романа В. Яновского. Рассказы Н. Терлецкого "Dies caniculares" и С. Гозиаса "Моль", оба, — словно бы запись сонных, бредовых видений; у первого — вполне грамотная; у второго — корявая. Новеллу О. Бутенко "Мама, девочка моя",

*В этом пункте мы, к сожалению, должны возразить автору. Конечно, нужно уточнить, кого он подразумевает под "западниками", если П. Чаадаева и Вл. Соловьева, то они атеистами воистину не были, последний был даже очень глубоко и очень сознательно верующим. Но обычно классическими западниками 30-х и 40-х гг. прошлого столетия называют тройку: В. Белинский, А. Герцен и М. Бакунин. Эти же были атеистами. Они все стали ими не сразу, но потом Белинский стал поистине неистовым атеистом, Герцен скорее грустным, признавая в конце своей жизни, что он завидовал тем, кто верил, т. к. для него и его друзей, неверующих и страдающих духом, современный ему мир приготовил только сумасшедший дом. М. Бакунин же перешел грани атеизма и стал первым сознательным богоборцем, провозгласившим библейского Сатану прообразом революционера. Сменившие их шестидесятники были тоже атеистами, народ все эти западники не ненавидели, Герцен, живя в эмиграции, даже очень превозносил русский народ.

Если же называть западниками русских либералов типа Анненкова, то они атеистами не были и русского народа, конечно, не ненавидели. Однако при противопоставлении славянофилов и западников принято из первых называть А. Хомякова, И. Киреевского и К. Аксакова, а из более поздних И. Аксакова и Ю. Самарина, и из вторых уже упомянутых В. Белинского, А. Герцена и М. Бакунина. (В. Лирожкова)

сделанную от лица девочки, отец которой попал в ссылку в сталинскую эпоху, мы читаем с сочувствием, пока не спотыкаемся о фразу в разговоре между матерью и старшей сестрой повествовательницы: "Я тебе запрещаю, как член партии комсомолке". Ну, таких — не жалко! Иное дело уже не рассказ, а подлинные воспоминания о ссылке Н. Страховой, где мы подобных речений на **деревянном языке** не встречаем.

Одобрим перепечатку двух превосходных старых рассказов Г. Пескова ("Рассказ старого священника" и "Товарищ Мурин"), писателя высокоталантливого и сравнительно мало известного, мастера в жанре **магического реализма**. Вернее, — писательницы, ибо **Георгий Песков** был псевдонимом русской парижанки Елены Дейши, образованным как русский перевод имени Жорж Занд. (Сохранился анекдот, будто ее супруг, придя однажды в редакцию журнала, где она сотрудничала, за получением гонорара, огорошил бухгалтера, представившись: "Я — муж Георгия Пескова").

Н. Берберова, в очерке "Английские предки В. Набокова", перечисляет, как повлиявших на него, писателей блестящего английского 19 в., которых мы все, русская интеллигенция, знали и любили: Стивенсона, Киплинга, Уэльса и др. Более любопытно то, что она вполне убедительно указывает на сильное воздействие на него Дж. Конрада. Вот, значит, где собака-то зарыта! Враждебность Набокова к Конраду (некритически перенятая Е. Эткиндоном) есть ненависть ученика к непобеденному учителю. Невольно вспоминается строчка из Баратынского:

А! Нету действий без причин.

"Вестник Р. Х. Д." № 152. Изумляет полная в этот раз пустота журнала в литературном отношении. Он весь заполнен богословскими

Послесловие. Мы не хотели пока ничего писать о неформальном обществе "Память", т. к. считаем, что у нас недостаточно сведений о нем для того, чтобы судить объективно. Но поскольку наш сотрудник В. Рудинский отозвался о "Памяти" положительно, а у нас есть сотрудники, которые относятся к ней резко отрицательно, не избежать дать комментарий от редакции.

Мы должны сказать, что считаем скандалом то, что эмигрантские авторы своим коронным свидетелем против "Памяти" берут Е. Лосото, почти исключительно на нее ссылаются и пишут о ней с полным почтением, даже проскальзывающей любовью и уважением. Прежде такое явление в эмиграции было бы невозможно, т. к. Е. Лосото является заскорузлой ортодоксальной марксисткой и духовной убийцей царской семьи. У нас нет под рукой "Комсомольской правды", но процитируем о ней и ее по статье А. Нуйкина

и религиозными материалами, которые обсуждать не станем, считая их достоянием специальных печатных органов, занимающихся теологическими проблемами.

Выпишем, впрочем, из передовицы Н. Струве верные слова: "Россия с православием сроднилась, без него немислима, и даже великое отступничество 17-го года и последующих десятилетий, рационально необъяснимое, эту связь окончательно порвать так и не могло. Штурм небес бумерангом обратился обратно на землю, разорил ее, завалил трупами и глыбами мертвой материи".

P.S. Прошлый "Обзор" переполнен пропусками, опечатками и всяческой путаницей. Во фразе: "Велика будет **милость Господня, если им наши** кровь и слезы простятся", выпала середина, создавая дикую бессмыслицу. Вместо "мелкотравчатая это мораль", напечатано: **эта**. Вместо **Monde**, напечатано **Vonde**, вместо **глаголал**, поставлено **глагольствовал** (sic!). Прошу извинить мне плохой каламбур: подобного глагола в нашем языке не существует.

Цитату из Гумилева нужно исправить так:

Неизгладимы, нет, в моей судьбе

Твой детский рот и смелый взор

девический.

Pro domo sua. Относительно возражений мне Б. Прянишникова, должен сказать, что П. Бутков говорит ведь о событиях, происшедших в другое время и в другом месте, чем описываемые моим почтенным оппонентом. Весьма возможно, что в Платтлинге было и иначе. Впрочем, вот В. Пирожкова свидетельствует, что в общих линиях наблюдения Буткова правильны (таково же и мое личное впечатление). Во всяком случае, я-то передаю только его слова; поэтому советовал бы Б. Прянишникову с ним, а не со мною, и спорить.

в № 2 "Нового мира" "Идеалы или интересы": "Ни в одной из прочитанных мною в "Комсомольской правде" 40 ее статей я что-то не вспомню слов "не берусь судить", "не знаю", "мне кажется"... Е. Лосото и сомнение, похоже, еще более несовместимы, чем гений и злодейство. Приговор ее всегда окончательный и пересмотру не подлежит". А вот цитаты из ее собственных излияний: "самое важное сейчас... ставить молодежь на марксистско-ленинские позиции" (К. П. 13.12.85). В очерке "Вольность" (К. П. 1.8.86) Е. Лосото пишет: "...партия большевиков решила затянувшуюся историю царевубийства". Семейство Романовых, обгаренное кровью русских революционеров всех поколений, наконец-то исчезло с лица земли. Вот это и есть святая **русская правда**".

Но довольно, цитировать эту мерзость тошнотворно. Для всякого антикоммуниста ясно: если кто-либо ссылается именно на

Е. Лосото в своих аргументах против кого и чего бы то ни было, он делает то явление, против которого воюет Е. Лосото, только симпатичным. Враги общества "Память", использующие почти исключительно свою любимую Е. Лосото для стрельбы по "Памяти", заставляют каждого антикоммуниста, по меньшей мере, задуматься: если такая марксистская кровожадная мерзость как Лосото так старается против "Памяти" и если у врагов "Памяти" нет других аргументов, кроме статей Е. Лосото против "Памяти", то, возможно, "Память" не так уж плоха, или даже наоборот, это общество должно содержать в себе положительные черты, если на него так ярится как раз Е. Лосото.

Итак, враги "Памяти" сделали бы "Память" уже совсем симпатичной, если б... да вот если б не иные друзья "Памяти" за рубежом. Сюда пришло воззвание якобы "Памяти". В экземплярах, которые мы видели, нет ни одной собственноручной подписи, да если б они и были, откуда мы можем знать точно почерк тех или других людей, живущих в СССР? Воззвание это мало приятно. Оно явно отвлекает внимание от нашего главного страшного противника: интернационального коммунизма, предлагага взамен его "сионистов и масонов". Особенно странны "сионисты". Как известно, сионистами называют себя те евреи, которые до 1948 г. хотели создания в Палестине еврейского государства, а после 1948 г. хотят сохранения государства Израиль. Против этого могут быть те арабы, которые сами претендуют на ту же территорию, но какое дело русским до этого? Представлять маленькое государство Израиль самым главным врагом в то самое время, как коммунизм уже 70 лет душит наш народ, более чем странно. Или у людей, писавших воззвание, другая терминология? Тогда они должны ее объяснить, а лучше было бы пользоваться общепринятой терминологией, а то как раз запутаешься. Звучат в возвании и совсем неприятные, нашему поколению слишком знакомые, злоеющие фразы, как-то: "в ряды партии пробрался враг". А мы-то, по нашей наивности, десятилетиями думали, что нашим врагом является как раз сама эта компартия, а не кто-то таинственно "пробравшийся в ее ряды". Допустим, люди, живущие в СССР, боятся открыто объявить компартию своим врагом, это мы понимаем. Но отчего бы тогда составителям возвания не ограничиться положительными целями, которые тоже там имеются, например, требованием отдачи земли крестьянам и другими положительными пунктами своей программы? Кто враг, мешающий выполнить эти положительные пункты, догадается каждый сам: именно коммунистическая диктатура. Настойчивое же делегирование клички "враг" не в ту сторону производит

весьма неприятное впечатление. Тем более, что врагами объявляются не только сами масоны и "сионисты", но и все те, кто не верит в то, что эти последние — враги. Иными словами, все инакомыслящие декларируются не просто, мол, еще не понявшими или заблуждающимися, но прямо врагами. Повторяем, это что-то уж очень знакомо и в высшей степени неприятно знакомо. Казалось бы, друзья "Памяти" за рубежом должны были всюду твердить, что это воззвание — фальшивка, подброска, что воззвание не составлено руководителями "Памяти", но иные "друзья" (иначе как в кавычках мы их назвать не можем) "Памяти" поступают как раз наоборот и всячески стараются заверить нас, что это-то и есть самое настоящее воззвание самой настоящей "Памяти". Но если это так, то такая "Память" для нас неприемлема. В журнале "Страна и Мир" № 3 (45), май-июнь 1988 г., печатает три обращения Д. Васильева, подпись которого (не собственноручная) стоит также и под разбравшимся нами возванием. Тексты, печатаемые в "Стране и Мире", были устно произнесенными Васильевым обращениями. Мы не знаем, проверены ли тексты, печатающиеся в "Стране и Мире", поэтому мы относимся к ним осторожно. Но если Васильев их действительно произнес, в том числе текст о сотрудничестве с КГБ, то нам с ним никак не по пути.

Но вот перед нами выступление писателя Валентина Распутина на пятом съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (г. Горький, июль 1987 г.), напечатанное в журнале "Наш современник" № 1 за 1988 г. Иные зарубежные враги "Памяти", не читая этого выступления В. Распутина, только слышав о нем, зачислили В. Распутина уже в исписавшиеся писатели. Мы этого делать не будем и прислушаемся к тому, что он говорит. Выступление называется "Жертвовать собою для правды", подзаголовок "Против беспамятства". В ней мы читаем о "Памяти":

"Больше двадцати лет существует наше общество... Одной из самых больших заслуг патриотического сознания в 60-х годах было создание и правомочное его оформление. Низкий поклон тем, кто стоял у начал организации. Не так, надо думать, это было просто... Вот почему сегодня вместе с достижениями работы общества мы вынуждены говорить и о потерях. Памятники продолжают сноситься, закон перед отечественными варварами в руководящей тоге продолжает пасовать, да и слаб он еще, этот закон... Немалую работу делает наше общество, и все же эта работа ныне недостаточна. Народ (вот где штамп имеет реальный вес!) — народ ждет от нас большего. Наши

скромные возможности его не удовлетворяют”.

Но за 20 лет общество “Память” все же спасло много памятников старины, воспрепятствовало повороту сибирских рек и сделало много других хороших вещей. Ведь об этом его зарубежные хулители нам не говорят. Если читать только их нападки, получается впечатление, что общество возникло лишь во времена Горбачева и сразу стало агрессивно шовинистическим.

Распутин говорит и об этих нападках. После указания на то, как бесконечно тяжело пробиваться вперед в стремлении сохранить и восстановить памятники народной памяти, Распутин добавляет: “Так трудно ли после этого было сбиться на крайнюю точку зрения? Нет, не трудно, реальность к тому давала повод. Но мы даже не знаем, сбились ли, как нас уверяют, руководители московского объединения “Память” на такую точку, потому что при всей нашей гласности слово для защиты им не было предоставлено. А если не правы — можно объяснить и поправить. Нет, посмотрите, как дружно пустили в ход грязные намеки, передергивания, подслушивания и подглядывания — методы, заимствованные отнюдь не в родной практике, — обрушилась давшая левый крен пресса на злополучную “Память”. Ни одно стихийное бедствие, ни одно преступление, ни одна трагедия до сих пор не вызывали подобного внимания, если “бомбежку” принимать за внимание. Ага, вы там, в “Памяти”, ищете виновных, вы называете себя патриотами, — черносотенцы вы... Я бы не стал столь подробно останавливаться на “Памяти”, если б не опасность, что, расправляясь с нею и другими неформальными группами, протягивается тень на все наше памятно-охранное движение, если бы не различное уже теперь желание скомпрометировать его и свернуть в сторону. Есть люди, которым очень не нравится опаматовшая Россия”.

Нападки, как указывалось, идут унисонно в СССР и в известной части эмиграции, причем в союзе с такими зубровыми кровожадными марксистами, как Е. Лосото. Это явление в эмиграции новое, повторим, прежде даже самые левые эмигранты в своей аргументации не искали себе поддержки у советских самых закоренелых и кровожадных марксистов. И это новое явление в наших глазах является позором эмиграции или, вернее, выявляет, что целый ряд приехавших сюда с третьей волной в душе — не эмигранты, а полностью советские люди, но пишут они

нередко в изданиях, которые были прежде эмигрантскими и антикоммунистическими.

Однако вернемся к “Памяти”. Вредят ей, как уже указано, иные зарубежные друзья, подхватывающие и поднимающие на свои знамена каждый, в том числе и неприемлемый, документ, пришедший сюда под знаком “Памяти”, но никем не проверенный.

Может быть, надо различать то движение, о котором говорит В. Распутин, существующее уже более 20 лет и сделавшее много хорошего, от прилепившихся к нему под знаком гласности наносных элементов, среди которых не исключена провокация? Во всяком случае, до тех пор, пока этому обществу не разрешено формально конституироваться, собрать собрание делегатов, выработать официальную программу, избрать председателя и правление, мы не можем судить об этом обществе в целом. Мы можем судить только об отдельных документах. Так, выступление В. Распутина мы назовем положительным, воззвание, появившееся на Западе якобы от имени “Памяти”, мы назовем в общем отрицательным, выступления, напечатанные под именем Д. Васильева в “Стране и Мире”, мы назовем отрицательными, и т. д. Но если, скажем, Д. Васильев действительно сказал то, что напечатано в “Стране и Мире”, то возникает вопрос, кто уполномочил его выступать? Выступал он лишь от своего собственного имени, от группки единомышленников? Уж, конечно, не от всего общества “Память”, которое не имеет ни малейшей фактической возможности кого-либо официально уполномочить выступать от имени всего общества. Мы относимся отрицательно как к огульному охаиванию, так и к неразборчивому восхвалению в духе ура-ура! Надо наконец научиться делать точные различия между отдельными феноменами и явлениями, а обществ “Память”, видимо, так же много, как и городов в России, и все эти общества различны между собой. Мы же не знаем даже точно, кто принадлежит к московскому и кто имеет право говорить от его имени. Поэтому и будем оценивать отдельные документы, отдельные высказывания и отдельных людей до тех пор, пока это общество не получит права (если получит вообще) организовать формально и открыто сказать: вот наша программа, утвержденная большинством делегатов, вот наш председатель, уполномоченный говорить от имени всего общества, вот наше правление. Все же огульные суждения мы оцениваем как не-объективные.

РЕДАКЦИЯ.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ТОЛГСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В связи с т. н. перестройкой и с проходившими торжествами, связанными с тысячелетним юбилеем Крещения Руси, советская печать, а также и частные источники информации сообщают о передаче Русской Православной Церкви ряда монастырей и других "объектов" религиозного характера. Кроме Данилова монастыря, РПЦ переданы Толгский монастырь, Оптиная пустынь, принципиально, кажется, решен вопрос о передаче Киево-Печерской лавры. Власть предложила передать Церкви бывший Хотьковский женский монастырь на Валааме, Анзерский скит Соловецкого монастыря и некоторые другие монастыри и скиты. По имеющимся информациям, Московская патриархия охотно приняла Толгский монастырь, Оптину пустынь, но пока отказалась от других монастырей и скитов. Последнее связано по всей видимости с теми огромными расходами, которые должна понести РПЦ по их восстановлению. Таких средств, при всей жертвенности верующих, у ней просто нет. Ведь возвращаются, по существу, загаженные развалины. Последнее отчетливо видно на примере Толгского монастыря.

Как известно, Толгский монастырь был основан в 1314 году у самого Ярославля, несколько выше его, у слияния Волги с небольшой речкой Толгой. Отсюда и пошло его название. Толгский монастырь имеет свою длинную и интересную историю, связанную со многими историческими событиями, происходившими на российской земле. Но об этом почти не вспоминается. Но зато советская печать как бы вскользь упоминает один-единственный и несомненный факт в истории монастыря. В 1926 году монастырь был насильственно закрыт советской властью. При этом "Московские новости" достаточно просто и откровенно пишут, что монастырь был упразднен, а небезызвестный "Голос родины" (№ 8, 1988) сообщает данный факт несколько по-другому; "Голос родины" пишет, что "в 1926 г. эта древняя обитель претерпела существенные изменения — находящийся в ней мужской монастырь был упразднен, помещения передали детскому дому". Что такое детский дом в монастырском помещении — тот, кто видел, никогда не забудет, а кто не видел — пусть лучше и не знает. Во всяком случае, несмотря на смягченные формулировки, советские газеты не могут скрыть действительное положение вещей. В то время, когда выносилось решение о передаче Толгского монастыря в ведение РПЦ, монастырь, вернее его полуразрушенные остатки, представлял собой, по мнению московской печати, грустное зрелище. Выбиты

окна, разрушены оконные рамы, разбиты двери, разломаны печи, изуродованы потолки, содраны облицовочные плитки, вырублены монастырские сады, все загажено и заплывано. И все это должна восстановить РПЦ. За чей же счет? Да, конечно же, за счет многомиллионного верующего народа, который жертвует все для восстановления народной святыни и будет оплачивать и дальше "подарки" такого рода, исходящие от благодетельной советской власти.

"Голос родины", охмуря западного читателя, избегает подобного рода реалистические описания в стиле "перестройки", но сообщает, что "с течением времени необходимость использования здания по непрямому назначению отпала". Можно, конечно, подумать, что такая необходимость была раньше, оправдывая закрытие монастыря. Ложь, конечно, так как такой необходимости никогда не было. Детский дом был лишь предлогом для закрытия монастыря и мог быть размещен в другом помещении. Впрочем, по другим сведениям, в Толгском монастыре был устроен лагерь для малолетних преступников. Недаром он был окружен колючей проволокой. Теперь, в "перестроечное время", советская пропаганда будет вылить все, связанное с насильственным закрытием церквей и монастырей в первый период советской власти, на разного рода "необходимости" вроде детского дома.

А дальше начинается фантастика, предназначенная для "полезных дураков" за рубежом. С наивностью десятилетней школьницы "Голос родины" сообщает, что Толгский монастырь — это юбилейный подарок Русской Православной Церкви от советской власти. Кто же распорядился сделать этот знаменательный подарок? Кем подписано решение о возврате полуразрушенного монастыря РПЦ? На этот совершенно естественный вопрос мы получаем исчерпывающий ответ. Оказывается, что в целях удовлетворения просьбы верующих Ярославский облисполком принял решение передать Толгскую обитель в ведение РПЦ. Газета при этом добавляет, что это гуманный шаг органа советской власти, т. е. Ярославского облисполкома.

Заграничному читателю, конечно, можно преподнести все что угодно. Но каждый знающий советскую действительность отдает себе отчет, что облисполком фактически не может вынести такого решения и отдать монастырь РПЦ. Подобного рода акции решаются на самых верхах и проводятся в жизнь через Совет по делам религий. Ярославский облисполком может в данном случае быть лишь исполнителем директив, спуска-

емых сверху, и, в лучшем случае, может только несколько задержать передачу монастыря, если он с этим несогласен. А то, что несогласие всегда возможно, — подтверждается некоторыми документами, опубликованными за рубежом и свидетельствующими о наличии разногласий, проявляющихся в глубинке. Там местные власти, естественно, не могут еще усвоить несколько "новый стиль" взаимоотношений с РПЦ, который насаждается сверху, и продолжают идти в фарватере привычных представлений, внедренных государственной атеистической пропагандой. Именно с этим связаны жалобы некоторых местных архиереев, свидетельствующие, что несмотря на всякого рода обещания, идущие из Москвы, из Совета по делам религий, местные уполномоченные этого органа продолжают гнуть старую линию всеобщего запрета и давления, оправдывая свое поведение "неясностью ситуации". В данном случае возможно, что они до некоторой степени правы. Ситуация, действительно, не совсем ясная. При этом надо учесть и то, что местные уполномоченные центрального Совета по делам религий назначаются не центром, а местным облисполкомом. При такой ситуации недоразумения неизбежны, т. к. местному уполномоченному гораздо ближе во всех отношениях пожелания местной власти, чем директивы, идущие из центра. Поэтому положение РПЦ сложно: сверху обещают и идут как бы навстречу, а внизу по-прежнему жмут...

В феврале текущего года "Наука и религия" (№ 2, 1988) опубликовала беседу или интервью с уполномоченным Совета по делам религий М. В. Губиным (Воронеж). Цель интервью — уточнить, чем занимаются уполномоченные на местах и каковы отношения, складывающиеся между ними и теми, кто обращается к ним со своими нуждами. Интервью в некоторых отношениях примечательное, т. к., кроме обычных банальностей, оно содержит и некоторые довольно интересные детали. И прежде всего речь идет о ходовом словосочетании, которым весьма часто манипулируют работники Совета по делам религий. Это словосочетание весьма симптоматично и великолепно отражает действительную ситуацию на религиозном фронте. **"Владеть религиозной ситуацией"** — так ставится едва ли не главная задача перед этим советским учреждением и его представителями на местах.

"А как вы, Михаил Васильевич, владеете этой ситуацией?" — задает Губину вопрос представитель журнала. Губин мнется... Ведь полным ходом якобы идет перестройка, а тут опять идет речь об овладении религиозной ситуацией.

"Выражение не очень удачное..." — замечает

он. — Слово "владеть" наталкивает на мысль, будто уполномоченный Совета имеет право вмешиваться в каноническую деятельность религиозных организаций, навязывать свою волю". Губин или не понимает, что он говорит, или нарочно "темнит" в этом вопросе. В каноническую деятельность, например, Церкви, он никак не может вмешиваться, т. к. каноны, или иначе церковные законы, вырабатывались и вырабатываются церковными соборами. Губин фактически может только требовать, чтобы, например, тот или иной приход нарушил те или иные канонические правила. А говорит он о весьма проблематичной "канонической деятельности" только потому, что речь идет просто-напросто о вмешательстве во внутренние дела религиозных организаций, которое широко практикуют до сих пор все без исключения представители Совета по делам религий. Достаточно поднять публикации по этому вопросу за последние десять лет, чтобы убедиться в этом. Но сейчас приходится кое-что в этом вопросе менять. Губин поэтому и крутится перед журналистом, который тоже крутится, выполняя свое директивное задание; последнее, вероятно, ему совсем не по душе. Ведь представляет он центральный антирелигиозный журнал, совсем не склонный к перестройке на религиозном фронте.

По мнению Губина выражение — "владеть религиозной ситуацией" — надо понимать как реальное осознание положения дел, умение видеть процессы, которые определяют религиозную обстановку. А религиозная ситуация на местах неоднозначна, сообщает антирелигиозный журнал, и характеризуется различными, порой противоречивыми тенденциями. По-видимому, одной из таких противоречивых тенденций является решение центральных властей о передаче Толгского монастыря в ведение РПЦ, несомненно осложняющее "владение религиозной ситуацией". Но ситуация в стране такова, что ничего иного придумать нельзя.

Поэтому в Толгском монастыре уже идут реставрационные работы, начатые независимо от передачи монастыря РПЦ. Ведь надо же что-то показать туристам, посещающим Ярославль. По словам советской печати, местные органы власти помогают восстановлению монастыря, реставрация которого требует весьма значительных вложений. Поэтому к посильному участию "в этой гуманной миссии" по реставрации монастыря привлекаются "все желающие", а для пожертвований открыт особый счет в местном отделении госбанка за номером 701702 — реставрация Толгского монастыря.

По окончании работ по восстановлению монастыря в нем будет открыт первый в РСФСР женский монастырь, а на его террито-

рии будет находиться дом для престарелых священнослужителей, ухаживать за которыми будут монахини. Оппозиционная печать отмечает: дом для престарелых священнослужителей будет не только убежищем для них; он одновременно будет изолировать их от советского общества. Последнее важно, так как ушедшие на покой священнослужители могут без труда заниматься неофициальным миссионерством (регистрацией они не связаны), а этого как раз власть допустить и не хочет. Перестройка, внося ряд изменений в жизнь РПЦ, разрешения на свободную миссионерскую деятельность пока не дала. А поэтому власть хочет перекрыть все возможности нелегального миссионерства, т. к. легального вообще пока нет.

Советская печать отмечает, что передача Толгского монастыря РПЦ — яркое свидетельство добрых отношений между советским государством и Церковью. В этой перестроенной формулировке по существу заключается сущность "новых отношений". Власть, по ряду причин, как и во время второй мировой войны, нужна помощь РПЦ. Поэтому с ней пытаются восстановить ограниченно-добрые отношения, выгодные в данный момент власти, но отнюдь не нацеленные на процветание Церкви. Возвращаемые монастыри и иные церковные объекты должны свидетельствовать об этих новых "добрых" отношениях, но не о принципиально новых взаимоотношениях государства с религиозным сектором страны. Свидетельством этого являются те ограничения, которые были наложены на празднование 1000-летнего юбилея РПЦ, продолжающего называться властью "введением христианства на Руси" и официально признанного только как чисто церковный праздник. Общенациональное и государственное значение юбилея начисто отрицается, и вокруг этой проблемы долгое время шли мрачные споры специалистов по т. н. научному атеизму. Ярким свидетельством этого является довольно объемистая книга, выпущенная московским издательством "Мысль" (1987) — "Введение христианства на Руси", рассказывающая, как "крестом и мечом на протяжении нескольких веков насаждалась новая вера среди русского народа". Редакционное предисловие к книге говорит, что Русь "приняла христианство", а второе предисловие повторяет казенный вариант о "введении христианства". Прекрасный пример отражения тех разногласий по "религиозному вопросу", который, по всей видимости, имеет место на верхах номенклатуры. Последнее косвенно подтверждается редакционным предисловием к указанной книге, в котором имеется и следующая замечание: "...вокруг проблемы христианизации Руси не стихает острая полемика, ведутся принципиальные дискуссии,

сталкиваются различные точки зрения".

Ничего нет удивительного, что в этой достаточно напряженной обстановке весьма интенсивно затрагиваются пропагандистско-дискуссионные вопросы, связанные с открытием Толгского монастыря, а в том числе и оценка высказываний западной прессы по поводу новых веяний в отношении религии. Советская печать и, в частности, "Голос родины" весьма обижается на западные средства информации, а заодно и на "религиозных экстремистов", называющих стремление Кремля "отрегулировать" религиозную проблему в желательном для власти направлении — пропагандистским трюком горбачевской "перестройки".

Данный вопрос имеет много аспектов, но в общем верная западная оценка происходящего требует несомненно некоторых разъяснений. Как уже говорилось, власть в данное время нуждается в помощи Церкви и с этой точки зрения происходящее не только "трюк", а подлинная реальность, по существу неприятная для диктатуры, которая вынуждена делать веселое лицо при весьма неудачной игре. Власть возвращает РПЦ монастыри и храмы в целом без особой охоты. Но создавшаяся в стране обстановка заставляет ее это делать. Возможно, что в номенклатурной среде имеются люди, сочувствующие новому церковному курсу, но это лишь детали, не меняющие общей характеристики происходящего.

Конечно, передача Церкви ряда монастырей, а также отдельных храмов и молитвенных домов является положительным явлением для РПЦ. Но и не только это. Характерной особенностью, связанной с открытием Толгского монастыря, является неожиданно активное и организованное участие людей, по тем или иным причинам заинтересованных в открытии монастыря. Печать сообщила о существовании в Ярославле "Товарищества по охране и восстановлению памятников истории культуры при Ярославском областном отделении ВООПИК". Среди членов товарищества имеются люди и верующие, и неверующие. Последние борются за восстановление монастыря, интересуясь его историческим прошлым, оценивая его как архитектурный памятник. Члены товарищества работают в свободное время в монастыре, помогая реставрационным работам, осуществляемым специалистами. В стенах монастыря появились и преподаватели Ярославского художественного училища. Проблема монастыря перерастает церковно-государственные отношения и в какой-то мере переходит в проблему всенародную, в разрешении которой заинтересованы люди самых различных профессий, мировоззрений, различного положения в советском обществе. И это является едва ли

не главным.

Указанное не осталось не замеченным и не учтенным властью. Советская печать отметила, что одобрительная реакция жителей Ярославля на известие о возрождении Толгского монастыря является показательной. Однако упор делается при этом не на духовно-религиозную сторону этого события, а на то, что многие почитают монастырь как историческую реликвию и хотят видеть этот памятник сохраненным и восстановленным. Толгский монастырь открывает свои врата при одобрении этого события ярославцами. Их в этом поддерживают миллионы верующих в СССР. Власть знает, что их миллионы и что количество этих миллионов всегда занижается советскими органами информации. В связи с этим, по инициативе, идущей сверху, поставлен вопрос о точных и объективных статистических данных, характеризующих действительное число верующих в СССР без "поправок" в интересах антирелигиозной пропаганды. Мероприятие это весьма существенное, подсказывающее власти ее поведение на широких просторах религиозного фронта в СССР. Толгский монастырь является также сво-

его рода критической точкой в отношении восстановления религиозно-исторических памятников России. При восстановлении и реставрации монастыря соединились три источника средств. Реставрация, главным образом, интерьера храмов была начата государственными реставрационными учреждениями. К ним присоединилась общенародная инициатива, о которой говорилось выше. С передачей монастыря в ведение РПЦ включаются средства Московской патриархии, в конечном счете собранные среди верующих, т. е. попросту народные деньги религиозного сектора советского общества. Власть передает "религиозные объекты" РПЦ в разоренном состоянии. Очевидно, передача будет продолжаться. Возникает вопрос: на какие же средства может быть проделана эта грандиозная работа? На средства верующих? Возможно ли это? Промыслительно возможно. Достаточно вспомнить, как сразу же после окончания войны с Германией в разоренной войной стране были построены и восстановлены 22000 храмов и молитвенных домов. Все это невольно вспоминается при описании того, что происходит с Толгским монастырем.*

*Часть этой статьи под одноименным названием была опубликована в "Новом Русском Слове" (Нью-Йорк), 31 мая 1988.

Е. КАРМАЗИН

ОППОЗИЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ

Горбачев, хотя и очень осторожно, делает сейчас то же, что делал Мао, используя хунвейбинов во время культурной революции.

Р. Конквест ("Посев", 3/88)

...сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью.

В. И. Ленин

Раньше в ходу был лозунг: "План — любой ценой". Теперь он стал проще: "План — ценой!"

"Известия"

1. XIX партконференция

Государственный переворот! — Так можно одной фразой определить итоги партконференции, первой за 47 лет, которая состоялась в Москве с 28 июня по 1 июля. Горбачев произнес доклад, длившийся 3,5 часа, принято 6 пространных резолюций. Результат же один — предоставить Горбачеву новую должность — председателя Верховного совета, для создания которой следует внести коренные изменения в конституцию. Весь процесс перестройки власти должен быть закончен в апреле 1989 года.

Со времен Ленина советская тоталитарная система, организованная по якобинскому образцу, формально была уложена в конституцию по модели французской III республики: декоративный президент (председатель ЦИК) и управляющий Совнаркомом. На эту систему накладывалась "диктатура пролетариата" — ЧК, запрет оппозиции, цензура печати и выборы без выбора. Фактическая власть была у Политбюро и ЦК, даже не упомянутых в конституции, реально же все полномочия концентрировались у диктатора (вождя). Таковы же были сталинская конституция (написанная Бухариным) и брежневская.

Теперь делается решительный поворот в форме власти — переход к модели V французской республики. Власть передается председателю Верховного совета, который назначает Совет министров, возглавляет Совет обороны и Президиум Верховного совета, руководит подготовкой законодательства и внешней политикой. В сущности говоря, даже формально эта власть гораздо больше, чем во Франции и США, где президенты возглавляют только исполнительную власть, а председатель Верховного совета возглавляет законодательную и назначает исполнительную власть. По теории государственного права, это не республиканские, а монархические полномочия.

Заметим, что должность председателя Верховного совета должна совмещаться с постом генерального секретаря партии, чем формально отменяется решение октябрьского пленума ЦК в 1964 г. о несовместимости высших постов в государстве и коллективности руководства. Диалектическим способом, громко сказано обещанное правовое государство свелось к отказу даже от робкого разделения тоталитарных властей. Таким образом, полномочия ЦК и Политбюро резко уменьшаются. Теперь они не смогут снять генсека, поскольку он избирается председателем Верховного совета. Какова будет роль политбюро — остается неясным. Власть генсека — председателя Верховного совета даже формально становится абсолютной, она ничем более не ограничена.

С другой стороны, ЦК не остановил ни коллективизации, ни ежовщины, ни послевоенного террора, ни застоя брежневщины, ни драконовской андроповщины. Единственный случай, когда ЦК проявил свою власть, — было смещение Хрущева, во всяком случае — лучшего из всех советских диктаторов. В связи с этим, трудно жалеть об участии ЦК, хотя отсутствие всякого ограничителя власти — опасно.

Председатель Верховного совета избирается новым органом — Съездом народных депутатов, из которых 1500 от территориальных и национальных округов, а 750 — на съездах или пленумах партии, комсомола, профсоюзов, творческих, научных и других общественных организаций. Тот же съезд (а не избиратели) избирает Верховный совет, из 400 — 450 человек, который должен, в отличие от существующей практики, работать постоянно. Съезд избирается на 5 лет, но проводит ежегодные заседания.

Аналогичные изменения предлагаются и на местах. Председателями местных Советов должны избираться первые секретари партийных Комитетов, которые будут возглавлять президиумы Советов и назначать исполкомы Советов и их председателей.

Принимается также практика V француз-

ской и американской республик, когда министры не могут входить в состав парламента. Такой же принцип распространяется на местные исполкомы. Этим подчеркивается, что совет министров и местные исполкомы подчинены председателям Советов — они же первые секретари партийных комитетов. Но таким диалектическим методом обещанное введение нескольких кандидатов на одно депутатское место не коснется ни местных исполкомов, ни членов правительства, поскольку они не могут избираться депутатами. Председатели же Советов избираются не народом, а Советами, причем там будет выставляться, как и прежде, одна кандидатура.

Полномочия всех органов государственной и партийной власти устанавливаются в 5 лет, причем никто — в том числе председатель Верховного совета, генеральный секретарь ЦК партии и члены Политбюро ЦК — не могут избираться на ту же должность более чем на 2 срока подряд (не считая предыдущего срока в этой же должности).

Предлагается также создать Комитет конституционного надзора, избираемый тем же Съездом, который следил бы за соответствием конституции законов и постановлений правительства. Неясно, кто будет иметь право обращаться с жалобами в этот комитет.

Декларируется разграничение партийных и государственных функций, при этом "партия осуществляет кадровую политику, проводя свою линию через коммунистов, работающих в государственных и хозяйственных органах, партия действует в рамках конституции и законов". То есть партия будет назначать на все должности.

В резолюции конференции говорится, что "КПСС никогда не допустит впредь повторения культа личности и застоя, которые привели к огромным человеческим жертвам и неисчислимым нравственным потерям". Каковы же тому гарантии? В своем докладе Горбачев спрашивает: "Почему КПСС не сумела воспрепятствовать процессам деформации, связанным с культом личности Сталина, почему затем, вскрыв и осудив отступление от принципов ленинизма, она ограничилась поверхностными переменами, в результате чего стали возможны серьезные застойные явления?" Ответ на это прост: тому виной именно принципы ленинизма — запрет всякой оппозиции, введение не только однопартийной системы, но и запрет фракций в партии, монополия на печатное слово, цензурная тирания. Но заметим, что партия официально осуждает по крайней мере 50 лет из 70 лет советской власти.

В своей речи Лигачев спрашивает: "Разве можно согласиться с тем, что советские люди — это в наших-то печатных изданиях!

— представлены как рабы, которых якобы кормили только ложью и демагогией и подвергали жесточайшей эксплуатации?” — Но что же делать, если это чистая правда?

Лигачев далее рассказывает: “Что такое культ личности, я, к сожалению, знаю не понаслышке. В нашей семье тоже были и расстрелянные, были и исключенные из партии... Пришел мартовский пленум ЦК 1985 года, тот пленум, который решил вопрос о генеральном секретаре. Надо сказать всю правду: это были тревожные дни. Мне пришлось быть в центре этих событий. Могли быть абсолютно другие решения. Была такая реальная опасность. Благодаря твердой занятой позиции Чебрикова, Соломенцева, Громыко и большой группы первых секретарей обкомов было принято единственно правильное решение. Сейчас делается все, чтобы не вернулись люди, запятнавшие облик руководителя. Время их вышло... В годы застоя я жил и работал в Сибири, краю суровом. Трудились без оглядки, знали — дальше Сибири не пошлют”.

В резолюции конференции сказано:

“Следует позаботиться, чтобы национальности, проживающие за пределами своих государственно-территориальных образований или не имеющие их, получили больше возможностей для реализации национально-культурных запросов, особенно в сфере образования, общения, народного творчества, а также создания очагов национальной культуры, использования средств массовой информации, удовлетворения религиозных потребностей”.

Избрания депутатов от этих национальностей (крымских татар, евреев, немцев, поляков и других) и образования национальных обществ здесь, однако, не предусматривается.

Приведем далее рекомендацию проф. Ричарда Пайпса: “Если бы у Горбачева была достаточная власть и если бы его намерения были действительно серьезны, он должен был бы арестовать несколько тысяч людей, особенно активно и влиятельно сопротивляющихся перестройке, — и в одну ночь все бы изменилось” (“22” № 57, 1988, с. 175). Это предложение кажется нам слишком похожим на сталинские методы и оно, вероятно, было бы чревато последствиями...

Самиздатский автор из Москвы Виктор Аксютин так комментирует решения конференции: “Генеральный секретарь, став одновременно и руководителем государства, получит широкие законодательные полномочия, что позволит ему обходить сопротивление

ЦК. Новое положение может сделать Горбачева более независимым от партаппарата и застрахует его от переворотов, подобных тому, каким был свергнут Хрущев.

Если план Горбачева осуществится, то опасность его в гипертрофии роли госаппарата, то есть фашизации режима. Для оправдания этого процесса всегда может сложиться другая разновидность тоталитарной идеологии, хотя, конечно, она будет именоваться не этим скомпрометированным словом. На возможность такого развития событий указывает положение, которое начинает занимать Горбачев: рост его популярности, сосредоточение в его руках огромной власти. Его личные качества тоже не могут быть достаточными гарантиями от вождистских соблазнов. Пока незаметно, чтобы Горбачев был склонен к либеральным ценностям самим по себе, что только и могло бы сдерживать его властолюбивые амбиции. В общем, сознание и установки Горбачева на сегодняшний день очень авторитарны.

Но авторитаризм может быть этапом освобождения от тоталитаризма, хотя чреват впадением в другую форму рабства. Поскольку у нас нет оснований целиком полагаться на сдерживающие нравственные качества человека, сосредотачивающего в своих руках важнейшие рычаги власти, то единственной гарантией от новой формы идеологической стагнации может быть только пробуждение ответственности” (Р. М. 22. 7. 88).

К сожалению, автор здесь смешивает фундаментальные понятия. Другой **тоталитарный** режим был бы только хуже*. **Авторитарный** же режим — это не фашизм, а антифашизм, подобный тому, который создал итальянский король в 1943 году. (Увы, поздно! Сделай он это летом 1939 года — и благодарная Италия поставила бы ему памятник, а ход мировой истории, возможно, изменился бы). Но переход к авторитарному социализму потребовал бы отказа от идеологии, от марксизма-ленинизма, от коммунизма, от экспансионизма и — роспуска партии. Режим типа Франко или Пиночета действительно явился бы освобождением из тоталитарной бездны.

Отметим, наконец, что 13 июня Верховный суд СССР реабилитировал Зиновьева, Каменева, Радека и Пятакова, отменив приговоры 1936-37 гг. (“Котидьен де Пари”, 14. 6. 88).

4 июля Политбюро приняло решение “о сооружении в Москве памятника жертвам незаконных и репрессий, имевших место в годы культа личности”.

*Мы не знаем тоталитаризма, который был бы хуже коммунистического. Как мы уже отмечали в другом месте, если Горбачев использует свою диктаторскую власть для ликвидации марксистской идеологии и социализма, то мы готовы признать за ним временное право на нее. Но мы весьма сомневаемся в том, что у него такие намерения. (В. Пирожкова)

2. Репрессии

На сессии Верховного совета 26 мая председатель Верховного суда СССР Терехов сделал доклад о деятельности суда, в котором, в частности, сказал: "Было сочтено необходимым ряд крупных и сложных дел принять непосредственно к производству Верховного суда. К строгим, но справедливым мерам наказания осуждены бывшие министры союзных республик: легкой промышленности РСФСР, хлопкоочистительной промышленности Азербайджана, хлопкоочистительной промышленности Узбекистана, бывший секретарь Бухарского обкома партии, заместитель министра внешней торговли СССР и другие лица, которые длительное время занимались взяточничеством и хищениями. У них конфискованы значительные ценности, нажитые преступным путем.

В связи с поступившими жалобами в 1984—87 годах в Верховном суде в порядке надзора было проверено 6 тыс. судебных дел, свыше 5 тыс. дел изучено в ходе обобщения судебной практики и, кроме того, значительное количество дел изучено по поручению Президиума Верховного совета в связи с поступившими ходатайствами о помиловании. В результате пересмотра дел полностью были реабилитированы 443 человека, направлены на новое рассмотрение или доследование дела в отношении 454 человек, изменены приговоры и решения на 994 человека. Еще имеют место случаи, когда окончательное разрешение жалобы получает лишь при втором и даже третьем обращении заинтересованных лиц в Верховный суд.

Особую тревогу вызывает рост спекуляции спиртными напитками и самогонарения. Число осужденных самогонщиков в 1987 году составило 88 тысяч. Судам предложено неукоснительно соблюдать требования закона о конфискации имущества у лиц, занимающихся изготовлением самогона с целью его сбыта.

Удельный вес подростков в числе всех осужденных в 1987 году достиг почти 10 процентов. Значит, каждый десятый преступник — несовершеннолетний.

В 1987 году в стране было осуждено на 380 тыс. человек меньше, чем, например, в 1984 году. Только в 1987 году судами возвращено для дополнительного расследования около 70 тыс. уголовных дел, а вышестоящие суды отменили приговоры в отношении почти 30 тысяч осужденных" ("Правда" 27. 5. 88).

Зададим несколько вопросов. Строгие, но справедливые меры за коррупцию — это что, к расстрелу? Из 11 тысяч проверенных в порядке надзора дел почти 2000 приговоров отменены — это ведь 20% неправосудных

приговоров? Если в прошлом году осудили на 400 тысяч меньше, то сколько же всего миллионов посадили они за годы перестройки? И если самогонщиков осуждают по 100 тысяч в год, то значит уже 300 тысяч их посажено за колючую проволоку?

На эти темы начала писать и независимая самиздатская пресса. Вот что пишет журнал "Гласность": "Борьба с самогонарением грозит перерасти в своего рода гражданскую войну с ее чрезвычайными мерами и эксцессами: вторжение в дома, слежка и доносы, мобилизация сил правопорядка. А в ответ все большая организованность и изощренность "нарушителей". Казна недополучает миллионы рублей, в целых районах из продажи исчезает сахар, зубная и томатная паста и другие продукты и предметы обихода, из которых уже научились "гнать". Хирургический подход очистителен, но слишком радикален для общества, едва встающего на избилующий подводными камнями путь" (О. Тихов, Р. М. 27. 5. 88). "Преступником является хозяйка, положившая дрожжи в домашнее вино, крепость которого составила 12,5 градуса: ст. 158 УК — исправительные работы до двух лет, при повторе — до двух лет лишения свободы" (Г. Анищенко, Р. М. 27. 5. 88).

Писатель Феликс Светов просидел год в уголовной тюрьме за свое религиозное творчество и рассказывает в "Экспресс-хронике" о страшном мире современной тюрьмы: "Это люди, как правило, грамотные, образованные, имеющие профессию, специальность, люди энергичные, деятельные, порой одаренные, талантливые, но часто с авантюрной складкой, азартные, распушенные. Осужденный преступник остается членом общества, и оно несет всю полноту ответственности за его судьбу. И за то, что он переступил грань и стал преступником, но еще в большей мере за то, вернется ли он обратно. Эта тема в последнее время все чаще выплескивается на страницы печати: шквал беззакония, равнодушия, мертвой казенщины, прямая фабрикация дел со стороны органов дознания и прокуратуры, судебские штампы в решении судеб живых людей, бесправие адвокатуры, страшные сроки наказания без учета тяжести содеянного и личности осужденного. Положение заключенных в тюрьмах ужасающее и безнадежное. Разве наша массовая культура не поработала для укрепления и формирования такого человеконенавистнического отношения к тем, кто оказался за решеткой? И если они действительно виноваты — украли, словчили, нарушили — "стрелять их всех из пулемета". Разве те, кто оказались за решеткой, не наши дети, не наши братья, разве они не учились вместе с нами в школе, в институте, не работали с нами бок о бок? Я не знаю статистики, но у каждого осужденного

есть мать, отец, жена, дети, миллионы людей закручены в чудовищной мясорубке беззакония, несправедливости, произвола, издевательства над человеком. Это не только социальная проблема, это проблема нравственная, и никто и ничто не снимет с нас ответственности за нее" (Р. М. 11. 3. 88).

3. Экономика

Резолюция партконференции говорит: "Коренного перелома в экономическом развитии не произошло. Экономика продолжает во многом движение по экстенсивному пути. Медленно развертывается научно-технический прогресс, не выполняются планы по увеличению национального дохода и ресурсосбережению. Нет заметного улучшения в качестве продукции. Остается сложным финансовое положение страны. (Бюджетный дефицит порождает инфляционные процессы, как более ясно сказал Горбачев). Сохраняется напряжение в снабжении продовольствием, товарами народного потребления. Не удовлетворяется спрос населения на услуги. Продолжает оставаться острой жилищная проблема. Вводимый новый экономический механизм пробуксовывает из-за того, что в центральных ведомствах не выполняются должным образом соответствующие постановления партии и правительства".

Странная, если задуматься, вещь. Уничтожение ракет средней и малой дальности, начало вывода войск из Афганистана, разоблачение Сталина, введение гласности (и манипулирование гласностью) и вот даже переворот в системе управления — все это проходит успешно. А в экономике, видите ли, ведомства мешают. Быть может, "соответствующие постановления партии и правительства" просто невыполнимы и абсурдны? Ведь сказал Горбачев в докладе, что "практика показала, что в нынешнем виде агропромышленные органы в районах и областях себя изживают". А ведь и трех лет не прошло, как их вводили с барабанным боем. Один из делегатов открыто уже сказал на конференции: "Постановление по борьбе с пьянством — хорошим был замысел. Но как претворялось решение в жизнь? Прежними командно-административными методами, без научного прогнозирования возможных результатов". Похоже, что даже они видят, что и тут порочно именно постановление. Сколько же еще дров (и голов) наломают, пока поймут безумие "самофинансирования"?

Сказано ведь в решениях конференции: "Практиковать вынесение вариантов решения наиболее важных хозяйственных и социальных проблем на референдумы". Что уж важнее, чем перевод всех предприятий на самофинансирование и повышение розничных цен, —

вот пусть бы поставили на референдум, как в Польше; а там народ эту реформу отклонил.

Впрочем, они и без референдума знают: на совещании в ЦК 7 мая редактор "Нового мира" Залыгин сказал: "Не нужно думать, что те, кого мы называем массами, — интеллигенция, рабочий класс, крестьянство, — что все они с восторгом принимают перестройку".

Верно заметил Г. Померанц в "Гласности": "Экономика — не эконометрия, не совокупность математических моделей, одинаково пригодных всюду. Очень рациональные американские методы вызвали катастрофу в Иране. Если присмотреться, то производственные отношения в Англии — не совсем такие, как в США, или во Франции, или в Италии. А Япония создала экономику, структура которой совершенно уникальна: об этом говорят все наблюдатели. В каждой стране экономика национальна" (Р. М. 27. 5. 88).

На ту же тему пишет Н. Берегов (псевдоним московского диссидента): "Главный популяризатор рыночного социализма" П. Бунич восхваляет всеислие рынка не менее восторженно, чем это делает в Чикаго Милтон Фридман. Правда, здесь мы уже замечаем различие между СССР и Восточной Европой: чехословацким и венгерским экономистам идеализация рынка не была свойственна. Теоретики пражской весны хотели использовать рынок как источник информации" ("Проблемы Восточной Европы", № 19-20, с. 10).

В той же "Гласности" совершенно справедливо пишет А. Мясников: "Многие виды сельскохозяйственной продукции государство закупает у колхозов и совхозов по более дорогой цене, нежели продает. Огромные дотации. Откуда у государства лишние деньги? Из нашего же кармана: где-то мы переплачиваем, где-то нам недоплачивают. Тем самым мы покрываем не только необходимые затраты на производство сельскохозяйственной продукции, но и неэффективность этого производства, чудовищную расточительность, бесхозяйственность. Речь идет о резком повышении розничных цен. На мясо, молоко, хлеб, фрукты, овощи и другие продовольственные товары, на которые и без того уходит больше половины нашей зарплаты.

Удивляют некоторые наши либералы, такие, например, ученые и публицисты, как Аганбегян, Заславская, Лисичкин, Шмелев. Убежденные сторонники демократических и хозяйственных реформ, в вопросе о ценах они выступают — за повышение. Конечно, они специалисты, им виднее.

Зачем розничные цены приводить в соответствие с производственными затратами, если известно, что большая часть этих затрат

не является необходимой, ее просто не должно быть? Не разумнее ли было бы сделать как раз наоборот: сократить эти затраты до уровня необходимого и привести их в соответствие с ценами, а может быть еще и уменьшить их?

Под предлогом перестройки хозяйственного механизма взвинтят розничные цены, да так, что люди и механизм этот, и перестройку проклянут. Это не воспаленное воображение. Это реальность. Процесс уже начался. Недовольства уже слышны. Розничные цены уже начали необъявленную войну перестройке. Впрочем, не будем паниковать: "изменение розничных цен на продукты питания не приведет к сокращению потребления". То есть от голода мы не будем пухнуть. Значит, зарплаты на еду должно хватить. На одежду, допустим, на кино не останется. Может быть, одичаем несколько, поизносимся, постыдимся прорех на штанах — ничего, к этому можно привыкнуть. Главное, чтоб людишки сыты были и работали. Остальное, по-видимому, не важно" (Р. М. 1.7.88).

К сожалению, дальше А. Мясников возлагает все надежды на рыночные цены и требует упразднить систему Комитета цен. Для социалистического общества это большая ошибка, рыночные цены в условиях дефицита станут недоступными. Вот даже в Венгрии, "уже который год в стране, славящейся изобилием продуктов, растут цены на овощи. Казалось бы, и конкуренция есть, и ассортимент обеспечен, а цены не снижаются" ("Экономическая газета" №21, 1988, с. 21).

В этой связи невозможно согласиться с мнением академика А. Д. Сахарова, высказанным на пресс-конференции в Москве 3 июня: "Отмену безумного с 90-процентным максимумом — налога с кооперативов можно только приветствовать. Но и предлагаемый 50-процентный максимум, с моей точки зрения, непомерно высок. Недопустимо высок 40-процентный налог со средств кооператива. По моему мнению, налог с членов кооперативов никак не должен отличаться от налогов с работающих на государственных предприятиях. Что касается государственных предприятий, то все доходы, за вычетом умеренного налога, должны поступать в распоряжение предприятия. Меня вообще многое волнует: возникшие трудности в снабжении населения, угроза роста цен" (Р. М. 10.6.88).

Кооперативы в условиях дефицита устанавливают фантастические цены, поэтому невозможно и неправильно взимать с их членов такие же налоги, как с рабочих предприятий, где действуют государственные цены. Налоги должны убедить кооперативы, что не следует вздувать цены, — все равно это уйдет в налог. Конечно, гораздо правильнее было бы установить 30-процентный максимум рента-

бельности в кооперативах, да и то равные налоги можно было бы установить, если бы кооперативы платили своим членам по государственным тарифам. А то ведь пока кооперативщики зарабатывают в 5—10 раз больше государственных работников, причем только за счет игры цен. Доходы государственных предприятий зависят не от них, а от уровня государственных цен на их продукцию. Кроме того, если не брать налоги с предприятий, то за счет чего будет существовать социальное обеспечение, образование, медицина, наука, армия, да и сфера управления, которая столь же необходима любой стране. Во всяком случае, угроза роста цен, на которую справедливо указывает А. Д. Сахаров, возникает сейчас именно из-за установленной свободы договорных цен.

Вот несколько примеров. "Опытные партии реализуются по договорным ценам — а это зачастую две преysкурантных стоимости. Вздувать цены в условиях дефицита — дело нехитрое" (ЭГ № 22, 1988, с. 20). "Не по кусающимся договорным, а по обычным ценам" (ЭГ № 23, 1988, с. 16). "Товары престижного потребления" попадут в руки бюрократов, взяточников и спекулянтов, у которых бешеные деньги" (ЭГ № 24, 1988, с. 24). "Подрядчики при согласовании цен порой "выламывают руки" заказчикам, соглашаясь подписывать договоры лишь при условии завышения цен. Такие действия, весьма напоминающие обычную кражу, имеют своих защитников" (ЭГ № 21, 1988, с. 7). "Кооператив скупил в госторге все магнитофонные кассеты по цене 4 рубля, записывает на них музыку и продает по 10 рублей. Другой кооператив скупил весь товар одного из цветочных магазинов и тут же перепродал его по повышенной цене... Кооператив покупает мясо в магазинах, лишая тем самым других возможности его купить, создает дефицит и предлагает то же мясо в пять раз дороже в приготавливаемых блюдах... Неприступно-преступные цены никогда не удовлетворяют общество. Они являются индикатором хищнических, рваческих устремлений" (ЭГ № 16, 1988, с.14-15). "Кооператив "Урал", прочно обосновавшийся под крышей завода, стал причиной ухудшения морально-психологического климата в трудовом коллективе. Еще бы: среднемесячная зарплата кооператоров достигает 1200-1500 рублей, а рабочие завода получают в среднем по 230 рублей. И это при том, что основные фонды кооперативу предоставил завод, он же полностью поставляет сырье, инструменты, запчасти. В преysкурантную стоимость включили расходы на перевозку продукции железнодорожным транспортом, хотя она тут же уходит в соседний цех. За счет этого в 1987 г. они получили за "здорово живешь" 284 тыс. руб.

Объединение получало в леспромпхозах лес по 9 руб. 80 коп. за кубометр, а кооперативу поставляло его по 5 руб. 40 коп. В 1987 г. коллектив завода по этой причине понес убытков на 145 тыс. руб. Теперь разницу оплачивают леспромпхозы. Они уже потеряли на этом 550 тыс. руб.” (ЭГ № 15, 1988, с. 13). ”Местный коопторг из колбасы по 2,9 рубля за килограмм изготавливает колбасу по 14 рублей. Понятно, везде по стране кооперативные цены высоки. Но не до такой же степени!.. Общая сумма завышения цен на колбасные изделия составила 66 тыс. руб.” (ЭГ № 25, 1988, с. 24).

В ”Стране и мире” № 1 за 1988 г. опубликована статья известного московского журналиста В. Селюнина, в которой, в частности, говорится: ”Трудами поколений у нас создана могучая экономика, вторая, ну пусть третья по мощи в мире. Но получается, она не способна обеспечить заметное повышение жизненного уровня народа. Да быть того не может. Четверть национального дохода в накопление — по меркам развитых стран это многовато. Однако откуда взялась эта цифра? Фонд потребления и фонд накопления наша статистика измеряет разными рублями — в одном случае стоимость товаров исчислена в розничных ценах, в другом — в оптовых. Разница между теми и другими ценами падает на налог с оборота. Исключив эти суммы из расчетов, мы убедимся: при измерении в оптовых ценах доля фонда потребления в национальном доходе равна 68-69 процентам.

Дальше выясняется, что и оптовые рубли не одинаковы. В 1986 г. с каждого рубля производственных фондов работники легкой промышленности ”сняли” 23,5 копейки прибыли, а электроэнергетики — лишь 6,6 копейки. Никогда не поверю, будто при круглосуточной эксплуатации электростанций их персонал (люди высокой квалификации) работает чуть ли не в четыре раза менее эффективно, нежели швейники или обувщики. Рентабельность всей тяжелой промышленности вдвое ниже, чем легкой. Объяснение может быть только одно: оптовые цены на продукцию легкой промышленности завышены относительно цен на изделия тяжелой промышленности. А это означает, что в официальных расчетах завышена доля фонда потребления, исчисленного не только в розничных, но и в оптовых ценах.

Именно в сдвиге в сторону потребления, а не во вздувании темпов роста, таятся главные резервы повышения жизненного уровня. В 1928 г. 60,5 процента всей продукции составляли предметы потребления, в 1986 г. — 24,7. Колоссальные, поистине тектонические сдвиги в сторону производства средств производства подвели нас к такой

парадоксальной ситуации, когда ускорение темпов развития очень слабо влияет на уровень жизни. Экономика во все большей степени работает не на человека, а на самое себя (добавим от себя — на политику партии! — Е. К.). Разворот в сторону предметов потребления потребует довольно длительного времени, в течение которого общий темп развития будет минимальным, а возможно, и минусовым. Однако другого решения нет. Или ускорение, понимаемое как взвинчивание объемов производства, или перестройка структуры производства.

Как дальше поддерживать высокий темп, какие еще резервы в нашем загатнике? Хотя соответствующие статистические данные пока не публикуются, по живым наблюдениям смею утверждать: в 1986—87 годах прибавки производства во многом объяснялись вульгарными переработками, то есть сверхурочным трудом. ”Черные субботы” вошли в наш быт. Достаточно сделать десять суббот в году рабочими, как мы получим добавочно 80 часов, потребные для хорошего прироста (4%). Но тогда, чтобы поддержать темпы, в очередном году надо работать еще десять лишних суббот, а всего уже двадцать. Так долго продолжаться не может — будет падать почасовая выработка”.

К сожалению, дальше В. Селюнин делает совершенно неверные выводы — настаивает на скорейшем и полном внедрении ”самофинансирования”. Но ведь столь красочно описанная им игра цен развернется в фантастических масштабах и может привести к инфляции, как в Латинской Америке и Израиле! Автор замечает: ”Плановиков я знаю не первый год и могу засвидетельствовать: пожалуй, большинство их — первоклассные знатоки своего дела, в конкретной экономике тайн для них нет... Последней исполненной пятилеткой была восьмая (1965—70), все следующие оказались неудачными. Фактически мы потеряли контроль над событиями”. — Вовсе нет! Просто экономическая и социальная политика была неправильной, неосуществимой. Перестройку структуры производства, о необходимости которой говорит автор, именно и нужно спланировать сверху, из Политбюро, через Госплан и министерства.

В. Селюнин совсем неправ, когда пишет: ”Сегодня мы не лучшие работники в мире. Скажем, в США ежедневно не выходят на работу 1,8 миллиона человек, у нас — 4 миллиона”. Странно — в СССР ведь нужно получить от врача бюллетень о болезни (и как мы все знаем — часто не дают!), в США ведь такой государственной системы нет. Если эти цифры верны, то они свидетельствуют лишь о подорванном здоровье населения в СССР, с чем при планировании необходимо

считаться. Кроме того, в США — миллионы безработных (получающих всякие пособия), среди которых, конечно, и люди с пониженным здоровьем. Как это В. Селюнин не понимает всей этой разницы и повторяет официальную демагогию закручивания гаек?

Далее автор пишет, что "когда оптовые цены назначаются директивно, одним отраслям на роду написано быть убыточными, другим — высокорентабельными. Раз в пятнадцать—двадцать лет проходит пересмотр оптовых цен, выравнивающий уровень рентабельности отраслей. Цены на топливо, металл, древесину, электричество до очередного пересмотра остаются неизменными, тогда как техника быстро дорожает (по нашим расчетам, примерно на 30 процентов за пятилетие). Опять происходит расслоение отраслей на убыточные и прибыльные". — Пример неграмотный. Даже по советским правилам полагается пересматривать цены каждые пять лет, и если этого не делается, то виновата неправильная политика, а не система цен.

Кроме того, никто не мешает установить ежегодную отчетность о рентабельности всех изделий и при желании пересматривать цены в машиностроении хоть раз в два года. В "Новом мире" (№ 5 за 1988 г.). В. Селюнин ссылается на книгу Н. Валентинова о нэпе, изданную в эмиграции, — странно, что он не заметил там описания, как предприятия, переведенные на бесконтрольный хозрасчет, бросились повышать оптовые цены и сделали товары недоступными для покупателя.

В общем, повторяется обычная при советской власти история. Государство путем страшных преступлений создает монстра — военный коммунизм, коллективизацию, индустриализацию, сталинский террор, — а затем все издержки исправления содеянного сбрасывает на народ.

Как писал в 1956 году неизвестный поэт:

И снова мое государство

Вины на себя не берет.

(см. Л. Чуковская, Записки, т. 2, с. 555).

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ

Превосходный роман Нины Молевой "Ошибка канцлера" (Москва, 1987) охватывает бурный и драматический период нашей истории, который иногда называют эпохой императриц, от конца царствования Петра Первого, включая правление Екатерины Первой, Петра Второго, Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны, Петра Третьего, и останавливаясь на первых днях царствования Екатерины Великой.

Книга построена чрезвычайно оригинально; действие развивается по трем параллельным и не пересекающимся линиям: сведения о событиях в России, поступающие к английским государственным деятелям в Лондон; беседы между членами российской царской семьи и их придворными, и исследования автора о сооружении церкви имени святого Климента папы римского в Замоскворечии. Храм сей связан с судьбами персонажей тем, что был воздвигнут канцлером А. П. Бестужевым-Рюминым по случаю захвата власти цесаревной Елизаветой.

Бестужев-Рюмин, в честь которого озаглавлено все повествование, рисуется нам здесь как искусный и мудрый дипломат, способный проникательно служить интересам родины, но и желающий во что бы то ни стало играть в ней доминирующую роль. Личность правящих монархов ему безразлична: он легко переходит от одного к другому, не задумываясь, если нужно, предать предшественника ради восходящей звезды наследника.

Вообще, взгляд писательницы скорее пессимистичен: что, впрочем, и понятно в

отношении времени, полного интригами, переворотами и нередко жестокостями. Нескольким более сочувственный взгляд заметен у нее только на Елизавету Петровну. Однако все цари и царицы, как и появляющиеся на заднем плане действующие лица, даны всегда как живые люди со своими типичными чертами, а отнюдь не как автоматы, воплощающие ту или иную идею, в смысле добра или зла.

Вопрос о дальнейшей участи Климентовской церкви позволяет автору — и даже к тому принуждает — с горечью отметить ряд вандализмов, совершенных советской властью при перестройке Москвы. Тема как нельзя более сейчас актуальная...

Составленный Л. Кошевой и под редакцией Р. Иезуитовой сборник очерков "Петербургские встречи Пушкина" (Ленинград, 1987) представляет собою вчерашний день русской пушкинистики, а то и шаг назад. Подлинный подсоветский пушкинист нашей поры, В. Непомнящий, едко высмеивал недавно работы, сводящие жизнь и мышление великого поэта к свободомыслию и тираноборчеству.

Сочинители разбираемой книжки вот так и поступают, в силу чего совершенно непропорциональное значение придают связям Пушкина с декабристами; тогда как ни словом не упоминают о том, что он позже в декабризме целиком разочаровался.

Текст пересыпан фразами о ненависти к царизму и о любви к простому народу; Пушкин незаметно превращается у нас на глазах в Чернышевского!

По фактам, казалось бы, книга может быть полезна для малоквалифицированного читателя, обогащая его познания.

Ан нет, — и то не очень.

С одной стороны, сведения даются бессистемно и слишком кратко. Например, не указываются хронологические данные, хотя бы даты рождения и смерти знакомых Пушкина, а только, в основном, говорится о прямых встречах с ним.

В этом отношении, насколько полезнее может для любого быть сжатая, но толковая работа Л. Черейского "Пушкин и его окружение" (Ленинград, 1975)!

С другой стороны, мы встречаем тут ряд курьезных ляпсусов разного рода. Приведем несколько. Цитата из письма к А. И. Тургеневу по поводу смерти Пушкина, принадлежащая Павлу Ивановичу Кривцову, ошибочно приписана его брату Николаю.

Происхождение слова **трико** объяснено фамилией фабриканта; на деле, оно, путем сложной эволюции, образовалось из французского существительного *trique* — "дубинка", "палка".

Рассказывая о несбывшемся намерении перевести на русский язык Ювенала, нам сообщают: "Поэт начал свою работу с основательной подготовки: он перечитал латинский и английский переводы римского сатирика, осуществленные И. И. Димитриевым".

Какой же мог быть **латинский перевод** творений Ювенала, который и писал полатыни? И в чем же заключалась работа Димитриева? Пойми, кто может! Мы — не в состоянии.

Среди серых и малосодержательных очерков выделяются, как наиболее удачные, подписанные А. М. Турьян — о В. Одоевском, о В. Дале и о Н. Дуровой.

"Дневник Павла Пушина, 1812—1814" (Ленинград, 1987) является любопытным документом времен Отечественной войны. В предисловии Пушин характеризуется так: "16-летний подпоручик, удостоенный ордена за бесстрашную штыковую атаку под Аустерлицем, ротный командир на Бородинском поле, командир батальона под Кульмом, активный деятель тайного декабристского общества, генерал, получивший отставку от службы за свои убеждения". Он, однако, даже не был привлечен к следствию по делу декабристов. Иной вопрос — его активное участие в масонстве, за которое над ним посмеивался Пушкин.

Любопытно, что данный дневник перепечатан из газеты "За царя и родину", где публиковался в 1908 г.

Автор его неприхотливо повествует о

мелочах походной жизни, больше останавливаясь на удобном либо неудобном бивуаке или на удовольствиях занятого города, чем на сражениях как таковых. Темперамент у него гусарский, хотя он и пехотинец: одна любовница, светская дама, осталась в России (и он поддерживает с нею переписку... через посредство графа Аракчеева!), другую он подцепил в Германии, и она некоторое время следовала за ним в переходах, а третью еще он содержит в Париже.

Несомненный литературный талант Клары Пруслиной привлек наше внимание еще со времени появления в журнале "22" ее очерков по искусствоведению. Блестящим подтверждением его явилась ее автобиографическая повесть "Вместо хлеба" (Иерусалим, 1983).

Поэтому для нас составил приятный сюрприз выход сейчас в свет двух ее прекрасных коротких романов, взаимно дополняющих друг друга, "12 городов" и "Содомский грех" (Тель-Авив, 1988, оба).

Автор рисует нам картины быта подсоветской провинции недавней поры, в форме впечатлений девушки, прикомандированной к передвижной выставке картин, циркулирующей в первой части по Великобритании, Белоруссии и Украине, а во второй — по Кавказу и Средней Азии. Приключений и наблюдений — целая уйма!

Во второй половине повествования положение героини осложняется тем, что, к ее изумлению и ужасу, ее непосредственный начальник оказывается гомосексуалистом, едва-едва не влипающим в скандал с участием милиции.

Остановимся все же на одном недостатке в целом увлекательных и симпатичных, и притом написанных безо всяких претензий книг. Рена, с точки зрения которой, хотя и в третьем лице, ведется рассказ, непрестанно ищет везде проявлений антисемитизма, на которые чрезвычайно болезненно реагирует. Между тем, ее лично вовсе не обижают, и даже люди, открыто не любящие евреев, делают для нее на каждом шагу исключение. Тогда как, наоборот, один из ее начальников, Лев Львович, сам еврей, ее в процессе работы при случае обманывает и эксплуатирует. Что до Смирнова, действующего в "Содомском грехе", его-то поступки, часто некрасивые, обусловлены не какой-либо идеологией, а его отвратительным пороком, каковой Пруслина изображает сдержанно, но с оттенком омерзения.

В результате, тема антисемитизма повисает в воздухе. В художественном отношении, лучше бы было ее и не вводить.

В. Рудинский

Ряд лет тому назад я делала передачи по радио Монако для слушателей в СССР по книге Romano Guardini "Religiose Gestalten in Dostojewskijs werk". Эти передачи были написаны более разговорным языком, чем обычно пишутся статьи. Но тем не менее, мне кажется, что менять языка не нужно и что можно познакомить читателей "Голоса Зарубежья" с этими передачами. Ниже мы предлагаем вниманию читателя две из них.

В. Пирожкова

В. ПИРОЖКОВА

ГУАРДИНИ О ДОСТОЕВСКОМ

Ставрогин

Католический философ и богослов Романо Гуардини написал одну из самых глубоких книг о Достоевском. Нам хотелось бы познакомить читателей с мыслями Гуардини о некоторых из героев романов Достоевского.

Гуардини пишет, что Достоевский — единственный писатель во всей мировой литературе, который умеет переводить внечеловеческие существования в человеческие. И притом так, что человек остается совсем человеком и все же сквозь его человеческое существование просвечивает нечто другое, нечто из иной сферы.

Остановимся сначала на одном из самых сильных из этих персонажей, на Ставрогине из романа "Бесы". Достоевский рассказывает в своих записках, что он сначала задумал "Бесы" как политический роман-памфлет, главным лицом которого должен был быть Петр Верховенский. Но по мере работы над романом возник и выдвинулся на первое место Николай Ставрогин. Роман обрел метафизическую глубину и пророческую силу. От памфлета не осталось и следа.

Кто же такой Ставрогин?

Внешность его, казалось бы, красива, но эта красота носит характер чего-то неживого, маски, и потому производит тяжелое и даже отталкивающее впечатление. Ставрогин силен физически и обладает еще большей силой воли. Он умеет сдерживать себя после пощечины, данной ему Шатовым, хотя не страх останавливает его от того, чтобы на месте убить Шатова за такое оскорбление. Но в силе Ставрогина нет ничего положительного, творческого, оживляющего. Он ничего не делает, но это не творческая лень, которая вынашивает в себе будущее творческое произведение. Ставрогин внутренне бесплоден, и его сила, не находящая себе применения, как бы загнивает в самой себе и носит характер разрушения; она отравляет все его существо. В глубине ее таится отчаяние.

В центре ставрогинского Я живет страшный, ледяной, непреодолимый холод. Вспомним, что у Данте Сатана находится в вечном льде, в оцепенении вечной застылости. Тем не менее этот холод интенсивен и могуч. Ставрогин в полном смысле этого слова бесстрашен. Он бесстрашен оттого, что последнего холода его души не могут коснуться никакие челове-

ческие чувства, ни любовь, ни ненависть, ни даже страх. Это, если можно так выразиться, отрицательное бесстрашие. Совсем иного рода бесстрашие встречаем мы у другого персонажа Достоевского, у Алеши из романа "Братья Карамазовы". Но об этом позже.

Ставрогин знает о своем внутреннем холоде и старается его преодолеть, но не может. Он пытается преодолеть этот холод с помощью других людей, но все они оказываются слишком слабыми по сравнению с ним. Не они спасают его, а он их губит. Все, вступающие в круг жизни Ставрогина, внутренне калечатся и погибают. Жертвенность любящей его Даши слишком бессильна и бесцветна, чтобы повлиять на мощную злую силу его души. Жизнь жены Шатова, ушедшей от него к Ставрогину, разбита. Его официальная жена, бедная Мария Лебядкина, видевшая в нем сначала сказочного принца, снизошедшего до нее, должна с содраганием убедиться в низости его натуры. Наиболее яркой личностью из всех женщин вокруг Ставрогина является Лиза. Она любит его такой горячей самоотверженной любовью, что, казалось бы, эта любовь могла растопить холод его души. Но и Лиза бессильна. Она внутренне ломается, столкнувшись с его льдом. Незабываема сцена, как она, сотрясенная ужасом, бежит от Ставрогина через мокрое поле, пока ее не настигает удар молота кузнеца, положивший физически конец ее внутренне уже сокрушенной жизни. Лиза, наиболее чуткая из всех, почувствовала во внутреннем холоде Ставрогина не просто человеческое равнодушие, но глубокое метафизическое зло, и соприкосновение с ним отняло у нее жизнь. Последовавшая затем физическая смерть была уже только исполнением решенной судьбы. В русской литературе есть и другой подобный образ: поцелуй Демона убивает Тамару.

Иным образом, но тоже трагично исполняется судьба мужчин, сталкивающихся со Ставрогиным. Ставрогин сам как бы не живет. У него острый ум, но застывшее сердце. Лицо его — жутко красивая маска, а движения имеют в себе нечто механическое. И тем не менее он становится центром сильнейшего движения и жизни вокруг него, в которой он сам не может принять участия, но которую он возбуждает вокруг себя. Людям, окружающим его, он дает идеи, причем разным людям разные идеи. Они воспринимают эти идеи,

впитывают их в себя, они ими живут, даже одержимы ими. Но тот, кто им их дал, остается холодным посторонним наблюдателем, как бы делающим с этими людьми эксперимент. С любопытством, но одновременно с разочарованием и даже холодным отвращением смотрит он на свои собственные создания. Он оказывает на людей сильнейшее влияние, многие преданы ему, но сам он внутренне не связан ни с кем. И все же в нем живет известная страсть, но холодная разрушительная страсть.

Знаменательно, что Бакунин требовал от профессионального революционера одержимости холодной страстью. Бакунин отметал всякие эмоции, революционер не должен иметь ни воодушевления, ни восторга, он должен руководствоваться расчетом и холодной рассудочной страстью. Характерно, что Бакунин считал библейского Сатану прообразом первого революционера.

Как уже указано, Ставрогин делает опыты с людьми. Петр Верховенский, мелкий бес, одно из созданий Ставрогина. Это поверхностный революционер, поверивший в догмат всеобщего разрушения. Сначала надо разрушить все до основания, а затем само собой возникнет что-то новое. Между прочим, это тоже идея Бакунина. Верховенский не задумывается о более глубоких вопросах. Он весь ушел в деятельность, в акцию. Но он верит Ставрогину и предан ему собачьей преданностью. Ставрогин — единственный человек, перед которым он готов преклониться. Но Ставрогин относится с презрением к этому "муравью революции", к его кипучей, но не творческой, чисто механической деятельности. Эксперимент Ставрогина с этим человеком не удался: ему удалось увлечь его определенной идеей, но сама эта идея беспочвенна, неглубока и одержимый ею человек не может увлечь, в свою очередь, Ставрогина. Он отменяет его как навязчивую мошку.

Другой предмет влияния Ставрогина — это маньяк Кириллов. Ему Ставрогин внушил идею человекобога, идею некоего сверхчеловека, который своими силами может стать богом. Но о Кириллове мы еще будем писать, а здесь, в связи со Ставрогиным, следует сказать, что и этот эксперимент не удался. Также и Кириллов слишком ничтожен, чтобы, со своей стороны, зажечь своей идеей Ставрогина.

Последним его экспериментом был Шатов. Шатову он дал совсем другую идею: он попытался сделать его верующим. Это, может быть, один из самых непонятных и сложных поступков Ставрогина. Быть может, где-то в глубине души он надеялся, что если Шатов уверует по-настоящему, то и он, Ставрогин, поймет, что значит живая вера в Бога, и эта вера спасет его.

Но и тут его постигло разочарование. Не Ставрогину могло быть дано возбудить веру в ком бы то ни было. Вместо веры в Бога Живого Шатов проповедует ему идею национализма в его самом страшном виде, именно идею религиозного национализма... Он проповедует ее так же горячо и неистово, как Верховенский свой революционизм, а Кириллов свое человекобожие. Но Ставрогин ожидал не этого. Совершенно замечателен ночной разговор Ставрогина с Шатовым. Шатов горячо упрекает Ставрогина за то, что последний, насаждая в его душе Бога и родину, в то же самое время развращал Кириллова атеизмом. Ставрогин его холодно слушает. Впадая в экстаз, Шатов проповедует, что у каждого народа должен быть свой бог. "Никогда еще не было, чтобы у всех или у многих народов был общий Бог, но всегда у каждого был особый, — горячится Шатов. — Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особливее его бог". Шатов утверждает, что именно это говорил ему Ставрогин, но Ставрогин видит порочность идеи национального бога. "Национальный бог" вообще не бог. Он отвечает Шатову, что последний принял его слова пламенно, но пламенно же их переиначил, сам того не замечая. "Уж одно то, что вы Бога низводите до атрибута народности", — бросает Ставрогин. Но Шатов с этим не согласен. Нет, он не Бога низводит до атрибута народности, а народ подымает до Бога. Народ — это тело Божие. Конечно, Бог может быть только один, и истина может быть только одна, а потому существует только один народ, который верует в истинного Бога, все остальные веруют в ложных богов. Этот единственный народ — русский народ, народ-богоносец. У Шатова от экстаза пена выступает на губах. Но Ставрогин его холодно останавливает вопросом: "Веруете вы сами в Бога или нет?" Шатов начинает запинаться: "Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в Тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую..."

"А в Бога? В Бога?" — настаивает Ставрогин. "Я... я буду веровать в Бога!" — в отчаянии восклицает Шатов. Ни один мускул не дрогнул в лице Ставрогина. И этот последний эксперимент не удался: Шатов в Бога не верит. Национальный бог — это не истинно существующий Живой Бог.

И Ставрогин делает последнюю попытку растопить свой внутренний лед. Он идет к епископу Тихону и объявляет ему свое намерение опубликовать свою исповедь о совершенном им мерзком преступлении над девочкой-подростком. Но Тихон видит, что Ставрогиным движет не смирение и искреннее желание прийти к Богу, а, наоборот, гордость,

притом самая страшная сатанинская гордость, которая часто принимает личину смирения.

Ставрогин это как бы "человеческое воплощение" Сатаны. Об этом особом искусстве Достоевского мы говорили вначале. Но все же Ставрогин не Сатана, а всего лишь человек. Ему не вынести того могильного холода, того льда, которым окружено царство Сатаны. Ставрогин кончает с собой.

Алеша

Как уже упоминалось, Достоевский умеет, как никто другой, переводить внечеловеческие существования в человеческие существования. В них просвечивает нечто иное, нечто из другой сферы.

Одного из этих людей-символов, как бы символ Сатаны, мы рассмотрели в Ставрогине. Обратимся теперь к положительному противопоставлению этого образа, к символу херувима, к Алеше из романа "Братья Карамазовы".

Его друзья, братья, даже его развратник-отец не раз называют его херувимом, ангелом.

Какие же отличительные черты Алеши бросаются в глаза?

Алеша — любимый ученик старца Зосимы, но в Алеше есть от природы нечто, чего нет у старца, пишет Гуардини, а именно величие. Старец глубок, чист, мудр, он обладает редким качеством: совершенством. Он достиг этого совершенства долгой, упорной работой над собой. Однако, как только Алеша появляется около него, видно, чего не хватает учителю и что есть у ученика: величие. Этим не сказано, что Алеша, в свою очередь, достигнет совершенства, так как совершенство величия — это самое редкое, что бывает на свете. Но, даже оставаясь фрагментом, оно накладывает на человека свой отпечаток. Характер Алеши описан очень ясно. Он не такой человек, которого можно назвать интеллектуально особенно умным, но у него горячее сердце, способное к большой любви. Однако характерно, что он не связывает себя любовью на жизнь и на смерть ни с одним определенным человеком. Как ни предан он своему учителю, но он и от него внутренне независим. Вспомним, что Ставрогин тоже не был внутренне связан ни с одним человеком. У него это было одиночество отрицательного характера: он не мог ни к о г о любить. У Алеши, напротив, эта несвязанность ни с кем определенно носит положительный характер. Он не только может любить людей, он любит много и горячо, но именно людей, а не только одного какого-нибудь человека. И опять-таки он любит не абстрактное человечество, как это делали многие революционеры, забывая живых конкретных людей. Нет, он любит каждого конкретного человека, который попадает

ему на пути, которого Бог посылает ему на его пути, потому что у нас нет случайных встреч. В нем живет глубокое подсознательное убеждение, что он нужен, должен служить всем людям, каждому, кто входит в круг его жизни, а потому он не имеет права связывать свою жизнь т о л ь к о с одним человеком. Он живет по христианскому завету: самый важный и нужный человек это тот, которого Бог именно в этот момент посылает тебе, и именно этому человеку надо посвятить все свое внимание. Если Ставрогин калечит и губит всех людей, вступающих в круг его жизни, то Алеша, наоборот, как бы согревает и направляет к лучшему. Особенно ярко это проявляется во время его первой встречи с Грушенькой.

Алеша молчалив и задумчив, но не мрачен, наоборот, радостен и добр. Он так же бесстрашен, как и Ставрогин, но и его бесстрашие, так же, как и его несвязанность с одним определенным человеком, носит не отрицательный, а положительный характер. У Алеши бесстрашие является следствием того, что его внутренняя жизнь настолько тверда, ясна и горяча, что он не в состоянии бояться. Это как и у Ставрогина, своего рода метафизическое качество, только положительного направления. Отсюда же исходит и невосприимчивость Алеши к обидам.

Алеша никого не судит. Он внимательно слушает и смотрит. Он очень ясно различает, что справедливо и что нет, что хорошо и что дурно, никогда не соглашается с неправдой, но он не судит. Его отец говорит ему, что он его любит, потому что знает, что он не судит. Однако само существо Алеши как бы "судит". В его присутствии явнее выступает добро и зло. "Ты — моя совесть", — говорит Грушенька. И именно потому, что он не судит сам от себя, не пытается сам себя возвысить, взять на себя роль судьбы, одно его молчаливое присутствие заставляет людей задуматься над собой. В его присутствии они сильнее ощущают свою собственную неправду, что не всегда легко. С другой стороны, именно то, что он не судит, побуждает людей высказаться перед ним и даже как бы исповедоваться. Иван, Митя, Грушенька, Лиза, все невольно раскрывают ему свою душу. Они знают, что он "поймет", не в том смысле, что все одобрит. Наоборот, он строг к себе и к другим, но он не осудит человека как такового, не отвернется от него, что бы тот ни сделал. Однако люди, высказываясь, сами понимают, что в них дурно. Они сами это говорят о себе. Алеше не надо говорить слов осуждения.

Своеобразно отношение Алеши к деньгам. Он не знает их цены, не считает их, но он никогда не бывает в нужде. Его дальний родственник Миусов говорит, что Алеша, может быть, единственный человек в мире,

которого можно оставить одного в совершенно незнакомом миллионном городе, и он не только не пропадет, но, напротив, сейчас же найдутся люди, которые его приютят и накормят, причем ему их и просить не надо будет. И им это не будет в тягость, наоборот, они сочтут это еще за честь. Это прирожденная черта тоже метафизического характера, вернее, христианского: "Не заботьтесь о завтрашнем дне". Это беспечность человека, живущего из глубин реальности не доступной миру сему. Но все его существо так глубоко убедительно, что каждый чувствует: вот здесь человек, живущий высшим, иным, и люди перенимают заботу о хлебе насущном. Алеша глубоко целомудрен. Грубые разговоры и шутки о женщинах ему ненавистны. Но он все же человек, а не ангел, к тому же Карамазов, и он боится искушения.

Алеша правдив. Он высказывает даже тогда правду, когда, казалось бы, есть много причин ее не сказать. Это особенно ясно проявляется в его разговоре с Ракитиным и Катериной Ивановной. Ракитину он признается, что думал о возможности убийства отца Митей, а Катерине Ивановне прямо говорит, что она любит не Митю, а Ивана, чтобы разрубить узел неискренности, которой завязала ее гордость.

Мы говорили о том, что Алеша вызывает в людях лучшие чувства, но одновременно и сознание их собственной несправедности. И мы при этом отметили, что это не всегда и не для всех бывает легко. Мы ошиблись бы, если б думали, что присутствие святого человека или такого человека, в котором ясно живет недоступная другим положительная метафизическая глубина, что присутствие такого человека всегда приятно и легко. Когда грех и бунт зашли слишком далеко, то, наоборот, его присутствие может стать невыносимым.

Сначала Иван ищет разговора с Алешей и читает ему свою "Легенду о Великом Инквизиторе". Но когда он замечает, что Алеша видит его глубже, чем он сам бы того хотел, он возмущается.

Иван внушил Смердякову мысль, что нет ни Бога, ни вечной жизни и что поэтому "все позволено". И Смердяков делает из этого соответствующий вывод: убивает старого Карамазова, который был и его отцом. Иван, смелый на слова, содрогается, когда Смердяков прямо говорит ему, что духовный убийца отца он, Иван, а Смердяков был лишь его слугой, лишь физическим исполнителем его мыслей. Здесь Достоевский очень глубок: истинный убийца не тот, кто ударил по голове человека и убил его, а тот, кто его научил, кто духовно водил его рукой. Самый страшный грех — это грех духа, а не грех плоти. И самый страшный сатанинский грех

— это грех самомнения, самопревозношения, грех, когда человек ставит себя вне божеских и человеческих законов, считает себя чем-то высшим, особенным. К этому греху близок Иван. Где-то и в каком-то смысле он ведь отождествляет себя с Великим Инквизитором, решившимся "исправить" творение Божие, якобы несовершенное.

Алеша видит этот грех Ивана. Еще до того, как Смердяков сознался Ивану и сказал, что убийца он, когда Иван еще считает умом убийцей Митю, Алеша говорит Ивану, что убийца отца не он, не Иван. Иван сначала удивлен и отвечает Алеше, что он сам знает, что не он. Но Алеша возражает ему, что Иван на самом деле не раз говорил себе, что убийца — он. Алеша повторяет Ивану: "Я тебе на всю жизнь это слово сказал: нет! Слышишь, на всю жизнь. И это Бог положил мне на душу тебе это сказать, хотя бы с того часа ты навсегда возненавидел меня!" Отчего же ненавидеть, если человеку говорят, что не он убийца своего отца? Но Алеша не ошибся в реакции Ивана: "Алексей Федорович, — произнес он с холодной усмешкой, — я пророков и эпилептиков не люблю, посланников Божиих особенно, вы это слишком знаете. С сей минуты я с вами разрываю и, кажется, навсегда. Прошу сей же час, на этом же перекрестке меня оставить... Особенно поберегитесь заходить ко мне сегодня".

Откуда же враждебность Ивана? Алеша ясно говорит ему, что он вовсе не сверхчеловек, каким он себя мнил, что он не Великий Инквизитор, а потому он и не должен винить себя в этом страшном духовном грехе. Но в тот момент гордость Ивана предпочитает грех сознанию, что он самый обыкновенный, а не особенный, высший человек. Здесь отчасти тот же мотив, что и в "Преступлении и наказании": будет ли он мучиться, убрав своими или чужими руками со света такого "ненужного человека", как старушонка-процентщица или развратник Федор Карамазов.

Но когда Иван узнает, что убийца Смердяков и что он, Иван, может быть, духовный убийца, он понимает, что Алеша прав, что он всего лишь слабый человек, и ему трудно перенести это сознание. Когда Алеша приходит снова во время его кошмара с чертом, он рад его приходу. Кошмар перестает его мучить. Черт исчезает. "Он улизнул, — говорит Иван Алеше, — он тебя испугался, тебя, голубя. Ты — чистый херувим".

Но и Алеша — только человек, а не херувим. И он спотыкается как раз тогда, когда помощь его больше всего нужна. Занятый своим личным горем, смертью Зосимы, особенно тем, что Бог не сотворил чуда над телом старца, Алеша переживает минуту бунта против Бога и забывает о брате

Димитрии, к которому так настойчиво послал его старец. Печальное лицо брата мелькнуло перед его глазами и снова исчезло. Он

не спас Митю. Смерть помешала Достоевскому закончить в романе-продолжении образ Алеши.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Воистину, терпение человеческое неисчерпаемо... Вот еще одна жертва коммунизма: замучен в советских лагерях и умер борец за независимость своего народа и своей Латвии, стоявший негибаемо против всех преследований КГБ, — Гунар Астра.

Мы встретились с Гунаром в СССР, в Дубровлаге, еще в 1962 году, почти сразу же после его ареста. А пробыл он в лагерях до 1987 года... 25 лет мучений за естественное желание видеть радость и свободу своей родной страны.

И это произошло в СССР — стране, декларирующей помощь национально-освободительным движениям во всех концах мира. Увы, мы знаем, что такая "помощь" коммунистов ведет только к порабощению стран и народов, к голоду и смертям: примерами могут служить Эфиопия и Никарагуа, Куба, Йемен и другие.

Когда СССР в 1940 году "протянул руку помощи" странам и народам Прибалтики, то в Латвии грустно шутили: "Они протягивают руку, чтобы мы протянули ноги..." Так и случилось... Бесчисленные расстрелы, депортации, русификация и постепенное наступление голода в ранее изобильной Латвии и всей Прибалтике пришли вместе с коммунистами. Поэтому сопротивление народов Прибалтики оккупантам из СССР было естественным: они видели, что их страны губят.

Гунар был молод и не мог помнить свободную Латвию, но он знал о том, что народ его — это свободолюбивый народ. И он видел, что Латвия живет в рабстве. Поэтому Гунар Астра — человек с образованием и нормальной (советской) обеспеченностью — встал на путь борьбы против оккупантов, против СССР.

Гунар Астра не взрывал, не убивал и не организовывал террора: он только требовал свободы своему народу и возвращения независимости Латвии. Но именно это и является тяжчайшим преступлением

в СССР: желание свободы...

Как много жертв пало в СССР именно за стремление к свободе! В лагерях мы видели вместе с Гунаром смерти националистов Латвии, Литвы, Эстонии, Украины, националистов-евреев, лишь требовавших выезда на Родину, в Израиль, националистов-татар, всего лишь хотевших жить в своем родном Крыму, откуда их безвинно изгнала советская власть.

Среди наших с Гунаром сокамерников можно вспомнить героев национально-освободительных движений, отсидевших так же, как и Гунар, по 25 лет в лагерях и замученных в неволе: Михаил Гробовий, Михаил Сорока, Катерина Зарицкая, Иосиф Бернштейн. А как ужасна судьба Юрия Шухевича, которого мучили в лагерях 30 лет, а теперь слепым инвалидом сослали в Сибирь и не дают возможности даже увидеть родных! И это при декларировании в СССР 15-ти лет как предельного срока осуждения!

Аресты и преследования в СССР продолжают и сегодня. Это власти коммунистов делают сегодня при "дымовой завесе", имануемой "перестройкой и гласностью". А наивные политики Запада легко верят (после стольких обманов) в эту очередную ложь и не видят жертв: до них не доходят крики 8 миллионов арестантов из более чем 2500 концлагерей, тюрем и психотюрем, вопли мучаемых тонут в шуме встреч и переговоров с коммунистами, много обещающими, но делающими лишь одно: готовящими рабство и смерть пока еще свободным людям во всем мире.

Пусть гибель героя Гунара Астры послужит импульсом для борьбы его народа за свободу! Пусть его судьба и гибель остерегут политиков Запада от гибельного пути доверия и уступок коммунистам!

Авраам ШИФРИН

ОПЕЧАТКА

В первой части воспоминаний В. Пирожковой, опубликованной в прошлом номере (стр. 25, слева, 14-я строка сверху), напечатано: "Не так просто было тогда с квартирами!". Следует читать: "Но так просто было тогда с квартирами!".

В издательстве "Третья волна" вышла из печати книга

Д. Штурман

"ГОРОДУ И МИРУ"

— анализ публицистики А. И. Солженицына, 432 стр.

В книге проанализированы публицистические выступления Солженицына до его изгнания из СССР и после него, его отношение к социализму, коммунизму и демократии, к Западу, к будущему своей страны и мира, его позиция в национальном вопросе, его взаимоотношения с некоторыми течениями диссидентства.

Книгу можно заказать по следующим адресам: 1) Mr. Alexandre Glezer (c/o Marie-Therese de Foras) 215, rue du Faubourg St. Honore, 75008 Paris, France; 2) Mr. Alexandre Glezer, 286 Barrow Str, Jersey City, N. Y. 07302, USA

Цена книги 25 долларов

НОВАЯ КНИГА,

посвященная 1000-летию Крещения Руси и Русского народа,

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Сборник избранных национально-патриотических статей из двенадцати периодических эмигрантских изданий. 293 стр., 27 н. м., 16 ам. долл.

Заказывать у автора: V. Zarubin, Leopoldstr. 69, 8000 München 40, West Germany

Издательством "Поиски" переиздана книга незаслуженно забытого крупнейшего российского ученого-экономиста Б. Д. БРУЦКУСА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Теоретические мысли по поводу русского опыта

с предисловием, комментариями и послесловием В. Сорокина и Д. Штурман, пояснительной статьей лауреата Нобелевской премии по экономике Ф. А. Хайека и др. материалами.

Цена книги 72 фр. фр. Чеки направлять по адресам:

1) Victor Sorokine — 5, bd. de la Gare, 94470 Boissy-St.-Léger, FRANCE, и S. Tictin — Greenspan Str., 12/6, Misrakh Talpiot 422, Jerusalem 93802, ISRAEL

ВЕРОНИКА АРЕНС-ПУЛАВСКАЯ
GLOBUS — A SLAVIC BOOKSTORE

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, платинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам. Выполняем заказы по почте. Адрес: 332 Balboa str., San-Francisco, CA 94118, USA. Телефон: (415) 668-4723. Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 6.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: "Express", Jerusalem

